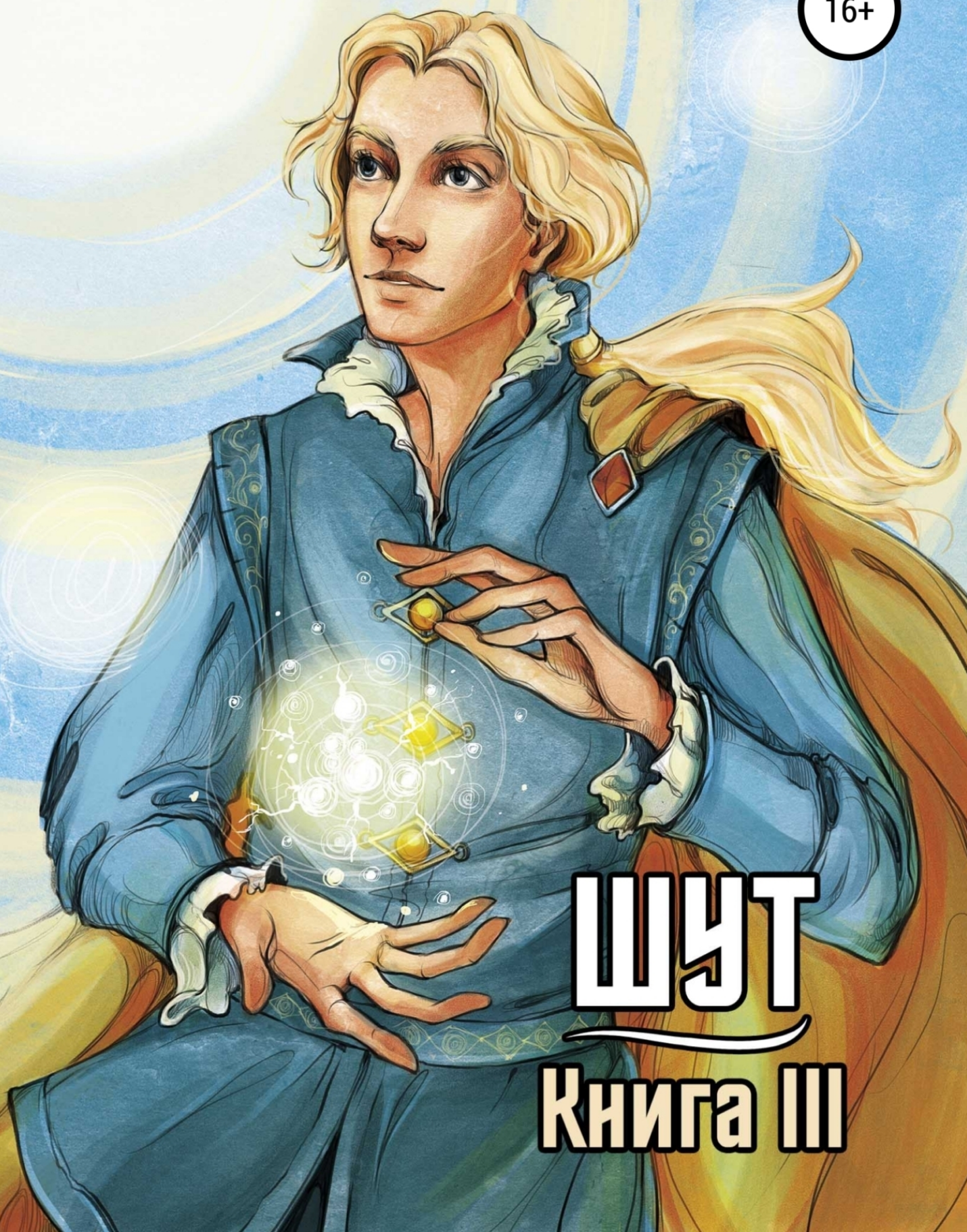

Елена Кочешкова

16+

ШУТ

Книга III

Елена Кочешкова

Шут. Книга III

«Автор»

2012

Кочешкова Е. А.

Шут. Книга III / Е. А. Кочешкова — «Автор», 2012

Вчера ты — нищий акробат, сегодня — дворянин и лучший друг короля, твоя прекрасная невеста ждет первенца, а жизнь наконец обрела равновесие и покой. Однако коварная судьба не дает передышек: грядет война, а старые враги опять готовы свести счеты. Но именно в этом вихре опасных событий раскроются многолетние тайны и бывший маленький шут узнает, кто он такой на самом деле.

© Кочешкова Е. А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Часть первая. Интриги	5
Часть вторая. Жажда крови	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Елена Кочешкова

Шут. Книга III

Часть первая. Интриги

1

– Да стой же ты спокойно, несносный мальчишка! – Госпожа Иголка сердито дернула его за пальцы и ловко расправила вдоль плеча кожаную мерку. – Что за репей тебе под хвост попал?

Шут порывисто вздохнул и переступил с ноги на ногу. Вовсе это был не репей, и не под хвост. Но не сообщать же каждому теперь, что этой ночью ему приснился совершенно чудесный говорящий сон. И вместо того, чтобы вытягиваться по стойке смирно перед мадам Сирень, Шуту больше всего хотелось бежать в цветочную лавку и скупать там подряд все букеты – от полевых ромашек до королевских роз.

– Патрик! Ну в чем дело?! – Портниха отложила в сторону свою измерительную ленту и посмотрела на Шута так, что и захочешь – не соврешь.

– Я... я расскажу, – он даже не пытался спрятать глупой улыбки. – Расскажу. Потом. Сейчас не могу. Мне... мне к Элее очень надо!

– Ох, Пат...

– Что – «ох»? – весело передразнил он мадам Сирень. – Как будто вы мерок моих не знаете! Да уже сто раз по ним шили!

– Сто, не сто, – усмехнулась швея, – а глаза меня не обманули. Ты подрос немного. И в плечах чуть пошире стал. Малость, конечно, а все ж на новые-то размеры костюм получше выйдет.

«Подрос? Вот так фокус!» – Шут мельком глянул на себя в большое зеркало, стоящее между полкой с отрезами ткани и большим цветком в кадучке. Отражение его было совсем обычным. Ну отросли волосы ниже лопаток, надо б их постричь давно уже... Ну лицо не такое круглощекое, как во время последней примерки... И глаза будто стали темней, а взгляд тверже. Но, что ни говори, а росту в нем если и прибавилось, то это только мадам Сирень и могла разглядеть.

«Кто б мог подумать», – удивился он и торопливо стал натягивать просторную белую рубашку из Руальдова гардероба. Его собственные почти все пожрала моль: некому было их перетряхивать да присыпать травами, которые гонят прочь всяких паразитов.

Цветочная лавка располагалась совсем недалеко от дворца. Шут даже дублет не стал застегивать – набросил как попало и быстро побежал через оживленные улочки Внутреннего Города.

Дыхание весны уже коснулось Золотой: воздух был наполнен запахами пробуждающейся влажной земли, теплыми ветрами с юга и птичьим щебетом.

Ворвавшись в лавку, Шут припечатал к столу большую серебряную монету.

– На все! – выдохнул он.

Перепуганный цветочник недоуменно посмотрел на монету, потом на всклокоченного дикоглазого посетителя с шальной улыбкой на лице.

– Чего это вы, господин Патрик, с утра носитесь, точно вас бешеный пес покусал? Кто же так шумит спозаранку? Вон дверь мне едва не разбили. – Все-то он преувеличивал, этот зануда. Дверь у лавочника, хоть и с окошком узорчатым, а покрепче иных ворот. – Каких цветочков изволите? В букетах, в вазах? По сколько штук?

Шут растерялся. Прежде он никогда не делал таких покупок. Если надо было произвести впечатление на дам, обрывал розы прямо с куста в саду. Лавочник поглядел на гостя и

усмехнулся: все понял без слов. Выкрикнул двух своих подмастерьев и что-то им быстро растолковал.

– Куда доставить-то? – спросил, уже снуя между вазами и выбирая один цветок за другим.

– Доставить... я думал сам отвезти. – Шут вовсе не хотел лишний раз давать пищу для дворцовых слухов. А если ученики цветочника побывают в новом доме бывшей королевы, то пересудов уж точно не миновать.

– Сами! – воскликнул лавочник изумленно и словно бы даже сердито. – Да на эти деньги знаете, сколько выйдет? Только вдвоем и управиться!

Мгновение Шут колебался, потом махнул рукой и быстро объяснил, как добраться. А к словам своим добавил еще одну серебряную монетку поменьше.

– Узнаю, что разболтали, – сказал он с самым серьезным видом, – пришлю к вам моего шамана. Он-то лишних слов не любит... – Шутил, конечно, но искренне надеялся, что получилось достаточно внушительно.

Кайзу при дворе побаивались. Какие только слухи о нем не гуляли! Поговаривали даже, будто чужеземный колдун может убить одним взглядом. Или одним словом лишит мужской силы. Друзья смеялись над этим меж собой, но разубеждать никого не торопились.

Решив дела с цветами, Шут ненадолго вернулся в свою комнату во дворце. Он хотел, чтобы букеты к его приезду уже были на месте, и потому позволил себе недолго поболтаться на перекладине.

Теперь ему редко удавалось доставить себе такое удовольствие.

Элея наверняка ждала его, сидя у окна: когда Шут подъехал на своем новом жеребце, она уже стояла в дверях, светясь от радости.

– Патрик, это все ты? – она обвела рукой гостиную, заставленную цветами. Воздух был наполнен нежным ароматом сотен роз. Шут кивнул, улыбаясь, и заключил ее в свои объятия.

– Ты почему молчала?

– Молчала? – Элея удивленно приподняла брови. – О чем?

«А вдруг я ошибся?» – внезапный страх молнией обжег нутро, но в следующий миг Шут просто открыл глаза *по-другому* и уже наяву увидел то, что узнал ночью. Вернув себя в привычный мир, он заулыбался еще шире.

– Об этом, – его ладонь бережно накрыла живот Элеи, а губы сами собой отыскивали любимую ямку на шее. – Об этом...

Она замерла на мгновение и вдруг обняла его порывисто, жарко.

– Патрик... мой Патрик... Я боялась. Боялась взглянуть...

– Глупенькая.

Шут целовал ее, уже не пытаясь остановиться. Но прежде, чем он успел зайти слишком далеко, Элея сочла, что пора несколько сбить высокую торжественность минуты. Немного отстранилась и, лукаво улыбаясь, вздохнула:

– Ради всех богов, выброси уже это несносное тряпье! – Она со смехом потянула за воротник Шутова дублета. Он так и носил этот костюм из Брингалина, пропитанный кровью и потом, повидавший долгие дороги через степь. Шуту казалось, что некогда синяя, но давно потемневшая ткань хранит силу тех земель, тех испытаний, которые выпали на долю путников.

Два дня после этого он не ходил – летал. Не понимая, в чем дело, придворные удивленно перешептывались у него за спиной, множа домыслы и предположения. Наверное, кто-то даже и угадал. Шуту было все равно. Он почти не общался с обитателями Чертога и, если б не Руальд, вовсе не казал бы носу во дворец. Как Элея, которая наотрез отказалась даже на одну ночь остаться в этом муравейнике.

Уже больше недели они жили в небольшом, но очень славном особняке на окраине города. Совсем на окраине. Там, куда возницы только за двойную плату соглашались ехать, потому что в обратный путь все равно желающих не найдется. Но Шуту возница был не нужен: у него теперь имелся свой конь – пепельно-серый жеребец, не особенно породистый, зато с добрым характером и длинной черной гривой, которая во время быстрой скачки больно могла хлестнуть по лицу. Шут не велел ее остригать: ему казалось, коню это не понравится... Элея на такие его домыслы только улыбалась. Сама она вовсе не хотела никуда выбираться, часами могла сидеть у камина и возиться с нитками. Шута это удивляло: прежде королева была глубоко равнодушна к рукоделию. Впрочем, теперь-то он знал, откуда взялась эта задумчивость и склонность к созерцательным неспешным делам.

А мог бы и раньше почувствовать, душень слепоглазый.

Мысли о чуде, что поселилось у Элеи под сердцем, наполняли Шута невыразимым теплым счастьем. Никогда прежде ему не доводилось испытывать подобных чувств.

«Он будет мой... по-настоящему мой. И никто не отнимет его у нас».

Шут не знал, кого ждет Элея, но почему-то был уверен, что у нее родится именно мальчик.

А на третий день счастье закончилось. Как всегда, неожиданно.

Он просто шел к мадам Сирень по дворцовым переходам, весело насвистывая мелодию, которую слышал во сне. А потом вдруг замер, будто его чугунной сковородой по макушке огрели. Пошатнулся и как стоял, так и сел посреди коридора. Голова кружилась до тошноты, а плечо вспыхнуло яростной болью. Шут рывком задрал свободный кружевной рукав и с тоской уставился на ящерицу, темные узоры которой налились кровью и пульсировали в такт ударам сердца.

«Опять... – Он с ненавистью стиснул зубы, стараясь не закричать от боли, которая закружилась все сильнее. – Что же это... Неужели теперь всегда... так будет?»

Шуту хотелось выть от отчаяния. Не потому, что угольный рисунок жег горячей огня, а от осознания собственного бессилия и невозможности защитить самое дорогое. Он понимал: эти люди доберутся до него. Рано или поздно доберутся. И не пожалеют тех, кто окажется рядом.

До портнихи Шут так и не дошел. Кое-как приполз к себе и, опустившись на колени, до самой подмышки сунул руку в ведро с холодной водой для умывания. Боль стала не такой острой, теперь она тупо билась под кожей, но все равно была так сильна, что Шут подумал, как бы его не стошнило в это же ведро.

Обошлось. Спустя еще несколько бесконечно длинных минут огонь, терзавший плоть, потух так же неожиданно, как и разгорелся. Шут устало свалился прямо возле ведра и уснул почти в тот же миг.

2

Он долго думал, как начать этот разговор. Сгрыз два ногтя под корень, выпил до дна здоровенную бутылку с вином, встретил закат, а потом и рассвет, сидя на подоконнике в своей дворцовой комнате. Одну за другой перебирал Шут в голове умные и не очень мысли, пытаясь понять, как же лучше втолковать любимой женщине, что ее место не в чужом доме, а за надежными стенами Брингалина. И на каждый умный довод словно бы слышал голос своей королевы – сердитый, звенящий от обиды и слез.

Нет уж! Довольно Хиргиной смерти.

Довольно...

Шут с отвращением посмотрел на почти пустую глиняную бутылку в своей руке и отбросил ее в сторону. Ему хотелось, чтобы она разбилась, но та оказалась слишком прочной. Лишь с грохотом прокатилась по каменному полу и остановилась, покачиваясь, в углу.

– А что б тебя... – неожиданно для себя он вдруг схватил бутылку и со всей силы грохнул об стену, испытав болезненное облегчение. Он хотел, не теряя больше времени, запрыгнуть в седло и ворваться в сад, где ждала его Элея, прямо сказать ей о своем решении и не думать об извинениях и способах смягчить жестокие слова.

Время не стоит на месте, тем более во дворце: Шут многого не узнал, многие не узнавали его. Никто из господ не спешил проявлять любезность к нему, дамы тоже смотрели с сомнением, не зная, чего ожидать от бывшего дурака. Только слуги тепло и радостно приняли Шута. Весть о том, что господин Патрик жив, облетела дворец быстрее, чем ветер несется по гулким каменным коридорам. Но в дни перед походом к Таронским горам Шут был сам не свой, ничего не замечал. Зато когда он вернулся с Руальдом от разрушенного замка, то обнаружил, что о судьбе его искренне переживала не только мадам Сирень. И больше всего обрадовался, когда в первый же день встретил на кухне Мирту. Служаночка как была, так и осталась вечно занятой маленькой скромницей. Сама она Шута и не заметила бы – слишком сосредоточенно смотрела перед собой, неся на вытянутых руках поднос с пустыми чашками из-под чьего-то завтрака. И очень удивилась, когда едва не налетела на господина Патрика.

Они долго потом сидели у Шута, вспоминали прошлое, рассказывали друг другу о главных и не очень событиях своей жизни. Шут узнал, что после его побега из дворца Мирта твердо решила для себя никогда больше не оказываться в роли беспомощной затюканной простушки. Упросила старшую горничную взять к себе в помощницы и очень скоро научилась многому, что прежде считала невозможным. А еще у нее появился жених из кузни, и теперь уж точно никто не смел обижать эту девочку. «Вы принесли мне удачу, господин», – тихо сказала она Шуту, и тот понял, что для нее это чистая правда.

Разве он имел право спорить?

Вместо этого Шут с надеждой спросил, не хочет ли Мирта вновь, как и прежде, наводить порядок в его комнате. Ведь ей удавалось это лучше всех... Но девушка лишь печально покачала головой и призналась, что уже несколько месяцев прислуживает лично господину главному ловчому. Увидев искреннее расстройство на лице Шута, она и сама загрустила. «Я не могу сейчас уйти от него к вам, господин Патрик... – прошептала Мирта, опустив глаза. – Простите... Если я уйду просто так, и если вы вдруг снова... уедете... мне никогда больше не видать хорошей работы». Вот и все. Что тут скажешь? Шуту осталось только вздохнуть и пожелать девушке счастья. В те дни он и сам от радости почти летал.

А теперь... теперь и радость, и счастье походили на глиняные осколки, которыми был усеян весь пол.

За спиной послышалось осторожное покашливание.

Шут стремительно обернулся. На пороге стоял какой-то малознакомый лакей. Видать, из новых.

– Чего тебе?! – голос оказался хриплым и звенящим одновременно. Шут бросил на слугу такой взгляд, что тот лишь чудом не обуглился кучкой пепла. – Чего надо?! – Обычно он был вежлив с прислугой, но этот малый зашел слишком невовремя.

Лакей отвесил поклон и, сохраняя ничего не выражающий взгляд, доложил, что король желает видеть господина Патрика немедленно. При этом он смотрел исключительно господину в подбородок, как и положено хорошему слуге, а не пялился по сторонам. Да только Шут все равно был убежден, что уже сегодня весь Чертог будет обсуждать странное поведение Руальдова любимчика.

Ох, как его утомили эти придворные игры, эта бесконечная необходимость скрывать свои истинные мысли за маской веселья и благополучия. Он знал, слишком хорошо знал, сколь

радостно будет подхалимам короля, узнай весь этот паучатник про чужую беду. Меньше всего Шуту хотелось таких развлечений за свой счет.

Мысленно он представил себя непроницаемым, как камень, и спокойно кивнул:

– Хорошо... Передайте королю, что я скоро буду.

Когда лакей вышел, Шут устало ополоснул лицо в умывальной чаше и, тяжело оперевшись о деревянный комод, посмотрел на себя в зеркало.

Мрак. Такой мрак в глазах, что самому боязно.

«Нет, – решил он, – никуда это не годится. Не хватало еще, чтобы Руальд начал меня расспрашивать, что случилось да в чем дело!»

Разумеется, Шут не собирался скрывать от короля произошедшее, но и слабость свою показывать не хотел. Небось, не девица, чтобы все чувства – на роже... Он упрямо стиснул губы, а потом попытался растянуть их в улыбке. Вышло криво. Но Шут очень старался, и вскоре небрежная ухмылка выглядела уже вполне натурально. Главное, ни на кого особо не смотреть, а то вот мадам Сирень, к примеру, сразу же поймет, что это лишь притворство.

Опасался он, как выяснилось, напрасно: в этот ранний час дворцовые коридоры были пусты, словно утроба нищего. Да и Руальд находился не в том настроении, чтобы разглядывать печальные глаза своего друга.

Едва только Шут ступил в королевский кабинет, как Его Величество захлопнул какую-то толстую папку с бумагами и сердито воскликнул:

– Пат! Ну где ты пропадал?! Я же сказал: прийти немедленно! – Он подхватил со стола свернутый трубочкой свиток и, не вставая, бросил его Шуту. – Прочти это.

Шут легко поймал бумагу.

– Да ладно тебе сердиться, – ответил, усевшись в кресло у камина, и развернул документ. По краю свиток был украшен затейливой вязью, но содержание текста трудно было соотнести с красотой бумаги.

– Откуда это, Руальд? – Шут с отвращением вернул свиток королю.

– Откуда... Оттуда.

Шут покусал губы и, нахмурившись, спросил:

– А... почему ты это мне показываешь? – Он и в самом деле был удивлен. У Руальда для решения государственных проблем имелись главный советник и палата лордов.

Король вздохнул. Потер левое ухо, над которым смешно оттопырились белые пряди волос, поглядел на Шута задумчиво и промолвил:

– Патрик, ты иногда задаешь глупые вопросы. Впрочем, может, это и в самом деле кажется тебе странным... – Он покрутил свиток и, нахмураясь, бросил его на стол. – Пойми ты, чудак: одно дело – решать проблемы с советниками и совсем иное – поговорить с другом, у которого ума не меньше, если только он дурачком не прикидывается.

Шут смутился. Даже глаза отвел. А Руальд помолчал немного и вдруг решительно встал из-за стола:

– Пойдем-ка, брат, проветримся малость.

В личном королевском палисаде всюду пели птицы, пахло набухающими почками и талой землей. Но, несмотря на яркое весеннее солнце, Шут быстро озяб и искренне пожалел, что оставил теплый дублет в своих покоях. Ежась, он обхватил себя за плечи и нетерпеливо посмотрел на друга.

– Тревожно мне, Патрик, – без предисловий начал Руальд. – Я все время живу с оглядкой. Вот не поверишь – стал бояться ночных шорохов. Так и кажется, что кто-то крадется в темноте. Возле детской на ночь целый караул выставляю... Перестал доверять даже тем, кого знаю с малых лет.

Шут кивнул с пониманием. Уж ему-то не надо было объяснять, что такое страх и тени в темноте.

– Вот ты мне сказал тогда про эту клятую дверь для слуг в гостиной... А я теперь не виношу, если портьера ее закрывает. Все время думаю, что за ней может кто-то сидеть и смотреть на меня. Это невыносимо! Нельзя так жить! Нельзя... – он в гневе сжал кулаки, словно перед ним стоял невидимый враг. – Мне нужны новые люди. Надежные люди, которым я могу доверять. Торья слишком жаден до власти, он даже не скрывает этого. Я, конечно, сам хорош, распустился, как баба, стыдно вспомнить. О чем только ни думал, пока ты не появился с Фарром. Уверен, многим не по нраву встало твое возвращение. Сильно не по нраву. Тот же Торья, небось, давно руки потирал в ожидании, когда я совсем забуду про корону на голове. Очень хочется мне его попросить с должности, только повода хорошего нет. А без повода нельзя. Слишком много за этим человеком денег и связей. – Руальд взглянул на Шута – напряженный, натянутый, как струна. И неожиданно смягчился. – Да ты замерз совсем, Патрик. Идем назад, возьмем лучше коней и прогуляемся за город.

Из дворца выехали, как водится, со свитой из десятка гвардейцев, но, едва только Золотая Гавань осталась чуть позади, Руальд прищпорил коня и устремился к негустой роще, где они могли наконец спокойно поговорить. Шут тоже подстегнул своего черногривого жеребца и последовал за королем. В глубине души он был даже рад, что тягостный разговор с Элеей откладывается. Вот только почти бессонная ночь уже давала о себе знать: глаза сами собой закрывались. Ведь сколько он там поспал? Хорошо если на пару часов задремал, а потом опять проснулся в обнимку с вином и безысходными мыслями, которые, отгоняя сон, будоражили сознание.

Впрочем, теперь, при свете дня, при радостном щебете весенних пичуг, Шуту показалось, что все не так уж и страшно.

– Скажи-ка честно, Пат, – Руальд остановил коня у звонкого ручья и задал вдруг совсем неожиданный вопрос, – ты ведь много общаешься со слугами... Что они говорят обо мне?

Шут погладил своего серого и задумался ненадолго. Говорили-то много чего, вот только что из тех разговоров стоит доносить до ушей короля?

– Знаешь, Руальд... – начал он осторожно. – Я думаю, главное, что у всех на языке – это твой сын. Вернее, те перемены, которые случились с тобой после его появления во дворце. Все сходятся во мнении, мол, если бы не Фарр, ты и в самом деле сложил бы корону. – Лицо короля скривилось в гримасе отвращения. Возможно, к самому себе... – И сейчас все ждут от тебя чего-то... чего-то важного, решительного.

Шуту было очень трудно говорить. Как бы близко ни ставил его Руальд к себе, как бы ни доверял, а все равно подвергать самолюбие короля серьезным испытаниям не хотелось. Подобное лекарство монаршим особам можно давать только в очень ограниченных дозах. А то ведь Руальд хоть и не злой, а все равно припомнит потом обидные речи. Не в отместку, а так... для уравнивания справедливости. Возьмет и ткнет Шута в его собственные промахи и слабости. Что-то похожее уже не раз было, хотя столь откровенные вопросы о самом себе Его Величество раньше не имел обыкновения задавать.

– Чего же именно им нужно? – с напряжением в голосе спросил король.

– Ну, – Шут пожал плечами, – я точно не скажу. С Феррестре вот разобраться. Или, к примеру, хоть с этими нелюдьми... – Его передернуло, когда он вспомнил свиток с рынка, в котором напротив человеческих имен стояли цены. – Как все-таки их поймали? Ведь столько же лет не могли.

– Да не поймали никого! – Руальд сердито плюнул и спрыгнул с коня.

Он встал у самой кромки говорливого ручья. Немигающим взглядом король смотрел, как играют, бегут по камешкам прозрачные струи, но едва ли видел их на самом деле. Перед глазами его, похоже, разворачивались совсем иные картины. Шут тоже спешил и присел рядом на поваленный ствол молодой осины.

– Если бы поймали... Там свои же и сдали. Не поделили, видать, чего-то. Да только когда городская стража явилась в указанный дом, то лишь этот свиток и нашли. Ну, не только его, конечно. Были и другие документы... шелуха. Сами преступники ушли. И важное, что было, тоже все унесли.

Шут попинал мокрые камешки и негромко сказал:

– Если бы ты наказал торговцев людьми, тебе бы очень многое простили. И отчаяние, и равнодушие к делам, и разрыв с Элеей...

Руальд бросил на Шута быстрый проницательный взгляд. Тот сделал вид, что не заметил, увлеченный переливами воды.

– Пат... А что, разве люди до сих пор о ней говорят? – голос короля прозвучал натянуто и нарочито небрежно.

Шут кивнул. Покусал губы и признался:

– Говорят. И много. В народе считают, это боги покарали Нар за прежнюю королеву...

– И ты так считаешь? – Руальд спросил совсем тихо. Шут лишь вздохнул.

– Кто я? Судья, чтоб решать? – И вспомнил вдруг, как тонкие, но сильные руки жарко обвивали его, как неистовые губы шептали в самое ухо, что он самый удивительный, самый прекрасный. Ему стоило больших усилий загнать это запретное воспоминание обратно вглубь той темной комнаты, где оно хранилось. Не дать ему отразиться на лице.

– Может быть, люди и правы... – промолвил король, все так же печально глядя на звонкий бег ручья. – Только боги покарали не одну Нар, а нас обоих.

Шут промолчал. Что тут скажешь?

– А кто еще, кроме Торьи, тебе негоден стал? – спросил он, меняя тему.

Руальд невесело хмыкнул.

– Советник меня смущает. Или я слишком подозрителен, или он в самом деле ведет двойную игру. Про палату лордов вообще молчу – там у каждого свои интересы, и чаще всего они не очень-то совпадают с государственными.

Лорды и впрямь никогда не казались Шуту особенно верными, но вот старик Пелья...

– Советник? – переспросил он. – Да ведь этот человек служил при дворе, когда ни тебя, ни Тодрика еще не было! Разве мог он пойти вдруг на измену? Предать?

– Измену... – Руальд поднял с земли горсть мелких камней и по очереди стал бросать их в воду. – Положим, тут и не было измены. Сейчас мне кажется, что господин Пелья изначально служил двум хозяевам.

У Шута голова кругом пошла от таких слов. Это советник-то?! Седой благообразный старик. Мудрый верный хранитель закона и благополучия. Трудно, очень трудно поверить.

Руальд между тем отстегнул от седла небольшой упругий мех с вином и, выдернув из горлышка пробку, сделал большой глоток.

– Хочешь? – протянул угощение Шуту. Тот кивнул машинально и тоже приложился, но вкуса вина почти не ощутил.

– Руальд... – промолвил он. – Это лишь домыслы? Или ты в самом деле имеешь доказательства?

– Не имею, – со вздохом ответил король. – Кабы имел, давно уже предъявил бы. – Он посмотрел на Шута, который хмурился в сомнениях, и добавил: – Ты можешь смеяться, но у меня, в конце концов, тоже есть чутье. И мозги есть, хоть в этом уже все королевство сомневается. – Он помолчал немного, а потом посмотрел Шуту прямо в глаза – серьезный, словно бы ждущий чего-то. – Изначально советниками при королях называли людей, которые не навязывали свое мнение, а становились для монархов умными собеседниками... товарищами. Патрик, я хочу, чтобы ты был рядом со мной. Я хочу, чтобы ты стал для меня таким человеком.

Шут едва не поперхнулся вином, которое как раз успел повторно пригубить.

– А... – он только и сумел, что открыть рот, но ничего так и не произнес. Руальд лишь рассмеялся на это.

– Патрик, Патрик... ты мой хранитель. Ну чему ты так удивляешься? Кому, если не тебе, я могу доверять?

– Ну... – Шут смущенно отвел глаза, – Дени, например.

– Дени умница, – уже без улыбки сказал Руальд. – Но он солдат. Верный пес. Он будет делать то, что я прикажу, и так, как я прикажу. И просить у него совета можно только в том случае, если это как-либо касается безопасности и всего, что с ней связано. И Гиро такой же, но еще сильнее приучен лишь к одному – защищать. Пат, пожалуйста, не говори «нет». Подумай. Ты мой друг, ты мой брат. Сейчас трудное время, и мне нужен верный человек за спиной. Тот, кто прикроет меня. Кто услышит, как вздрогнула тетива, прежде, чем стрела наших врагов достигнет цели.

– Альда... – Шут не знал, в самом деле не знал, как объяснить, что творится в его душе. – Я же дурак. Все знают это. Да тебя на смех поднимут, если ты снимешь с Пельи цепь советника и повесишь ее на мои тощие плечи.

Он невесело хмыкнул.

– Не поднимут, – сухо ответил Руальд. – И снимать я ничего не буду. Все останется как прежде. Просто со временем... советник и не заметит, как его источники информации оскудеют. Я собираюсь сам наладить новую осведомительскую сеть.

Шут фыркнул, не удержавшись.

– Он создавал ее много лет! Равно как и Торья! А еще у тебя есть министр финансов, который тоже знает больше, чем любой член палаты лордов! Как ты предполагаешь разрушить их паутины и создать новую?! Это же труд на годы!

– А вот тут мне как раз поможет Дени. У любой паутины есть сердце, главные узлы. А что касается тебя... Пат, ты давно в зеркало смотрел? Давно слушал, что про господина Патрика говорят? Не знаю, может, тебе все еще нравится роль дурачка, да только вырос ты из нее. И это скажет всякий. Ты видел тот костюм, что пошила тебе мадам Сирень?

– Нет.

Шут удивился. Когда это Руальд успел побывать у портнихи?

– Думаю, она, как всегда, разглядела в тебе то, чего ты еще и сам не понял.

Шут нахмурился.

– Руальд... ну ты все равно хоть что мне говори, а я не чувствую в себе силы быть тебе подсказчиком. Даже если мадам Сирень больше не станет шить мне колпаков с бубенцами, я останусь всего лишь безродным комедиантом. К тому же... я младше тебя, и опыта у меня нет для таких дел.

Руальд насмешливо выгнул бровь.

– Ба! Пат, с каких это пор ты стал таким скромным? – Он отобрал у Шута мех и допил вино в два глотка. – А что касается «безродного»... Хотел сделать тебе сюрприз, да чего уж там. На следующем собрании палаты лордов я объявлю о присвоении тебе дворянского титула.

– Э?! – Шут, чего уж скрывать, мечтал о чем-то подобном, по большей части из-за Элеи, конечно... Но теперь, услышав от Руальда эту новость, все равно смутился, растерялся и почувствовал себя так, будто сам выпросил столь роскошный подарок.

Король посмотрел на него, склонив голову на бок, задумчивая улыбка блуждала по его лицу.

– Эх, Пат... Ну почему в самом деле боги не послали мне такого братца, как ты?

И вздохнул тяжело.

Родной брат Его Величества в это время, наверное, как раз проклинал Шута за все, что тому удалось испортить, за все те планы, которые он Тодрику сорвал. А было их, как выяснилось, немало...

Поначалу принц, конечно, отмалчивался. Смотрел на всех злобным загнанным зверем. В сторону Шута так едва ли ядом не плевался – столько ненависти было в его взгляде. Тогда, в Таронском замке, он еще верил, что сумеет выбраться из выгребной ямы, которую сам себе выкопал. Даже на изумленный возглас Руальда Тодрик ответить не соизволил, только дернул презрительно своим красивым подбородком и посмотрел сквозь брата так, точно того и вовсе не было. Словом, ни о каком раскаянии, упаси боги, речь не шла. Это уже потом, когда принца без лишнего пиетету доставили в Золотую, он понял, сколь наивна была его надежда на помощь друзей. В том, что таковые у наследничка имелись, никто даже не сомневался. Принц никогда бы не осмелел настолько, чтобы в одиночку снимать с брата корону.

За всю дорогу до столицы Руальд к своему младшему больше не подошел. Теперь настал его черед делать вид, что Тодрика попросту нет. А в Золотой принца сразу же отконвоировали в Лагон – главную городскую тюрьму. Даже не в подвалы Чертога. Вот тогда-то Их Высочество и ударились в панику. Потребовали встречи с королем, своих покоев и горячей ванны.

По мнению Шута, это было не столько даже глупо, сколько до крайности самонадеянно. Вероятно, принц полагал, будто ему самому можно вытворять что угодно, а Руальд должен все терпеть и относиться к выходкам брата, точно это детские шалости. Но король даже суд собирать не стал. И не стал разглашать, кого именно привез из похода к феррестрийской границе. Враг, да и все. Лорд какой-то. Охрану Руальд сам выставил из гвардейцев.

«Умер ты для всех? – сказал он брату. – Вот и оставайся мертвым. Нет тебя больше».

И лично проследил, чтобы на дверь повесили самый большой замок.

Шут даже представить боялся, что на самом деле чувствует король. Но по глазам Руальда видел: тот уже готов на многое. Нет, не казнить... и даже не увечить. Просто забыть навсегда про эту холодную каменную комнату в Лагоне. Снять караул гвардейцев, а ключ от тяжелого замка выбросить в море. Небось, тюремные харчи и через оконце подать можно.

И, видят боги, Шут не осудил бы своего короля за такое решение.

Заговорил Тодрик через неделю. Он, конечно, и раньше бы это сделал, да только Руальд не спешил навестить брата. И к тому моменту, когда дверь в камеру наконец отворили, принц уже безо всяких пыток готов был рассказать что угодно. Шут во время этой «беседы» тоже присутствовал. И вскоре ему стало совершенно ясно: Тодрик все-таки глуп. Просто глуп. Из-за слепой жажды взобраться на трон принц даже не понял того, что был марионеткой в руках настоящих мастеров дергать за ниточки.

Верней, понял, да только слишком поздно.

Когда Шут увидел Руальдова братца, то невольно испытал к нему жалость. Тодрик выглядел ужасно: грязный, оборванный, заросший щетиной. От него дурно пахло, да и в самой камере стоял затхлый смрад: ни ночных ваз, ни даже помойных ведер тут не было – только сливная дыра в полу.

«Он заслужил это, – напомнил себе Шут. – Сколько людей из-за него пострадало! Хирги и Нар больше нет...»

Однако смотреть на униженного принца было вовсе не так приятно, как ожидалось. Когда они с Руальдом и Дени вошли в камеру, Тодрик уже не скалился и не изображал на лице брезгливое презрение. Увидев брата, он попытался схватить его за руку – вероятно, чтобы начать вымалывать прощение. Но Дени, скорее даже по привычке, чем осознанно, заслонила короля, отбросив принца выверенным холодным ударом воина. Падая, Тодрик сумел уцепиться лишь за край братнина плаща. Но вцепился он намертво. Шут видел, как побелели его пальцы, судорожно стиснутые на иссиня-черной ткани. Несколько мгновений Его Высочество хрипло каш-

лял, пытаясь наполнить воздухом отбитое нутро. Дени хмуро смотрел на перекошенное от боли лицо принца. Когда-то он точно так же защищал и этого красивого черноволосого мальчика...

Король стоял безмолвен и недвижим. Ждал.

– Забери меня отсюда! – выдохнул Тодрик, едва лишь к нему вернулась возможность говорить. Он почти рыдал, но будто и вовсе не замечал, как жалко, как недостойно выглядит... – Руальд! Забери! Пожалуйста! Пожалуйста!

Дени нахмурился еще больше. Шут незаметно отодвинулся куда-то в угол. Только лицо короля оставалось непроницаемым, и, когда тот заговорил, Шут не узнал голос друга.

– Капитан, сообщите Его Высочеству, – холодные слова падали, точно камни, – что он может изложить все известные ему факты об убийстве моей жены, похищении сына и заговоре против короны. Пусть Его Высочество учтет: от честности и полноты ответов зависит его дальнейшая судьба.

Тодрик смотрел на брата с ужасом, а Руальд спокойно сел на широкий табурет, услужливо внесенный одним из гвардейцев, и, не глядя более на принца, неспешно раскурил трубку.

Какое-то время Тодрик, дрожа губами, еще цеплялся за плащ короля, точно дитя за мамкину юбку, но потом, наверное, все-таки понял, как это выглядит со стороны, и разжал пальцы. Умоляюще глядя на брата, он попятился, неловко опустился на колени, хотел сказать что-то, но так и не смог. Закрыв лицо ладонями, съезжился, показавшись вдруг Шуту совсем мальчишкой. Только вовсе не похожим на того избалованного инфанта, который мучил юного господина Патрика мелкими, но ужасно обидными пакостями.

«Он же враг! – снова попытался убедить себя Шут, но все равно видел перед собой обычного живого человека, который страдал и искал милосердия. Он вздохнул еле слышно и перевел взгляд на Руальда. – Каково тебе, мой король? Ведь ты любил его. Небось, учил, как меч в руках держать, и утешал, если случались разбитые коленки... Почему, ну почему все вышло именно так?»

Ответов на такие вопросы едва ли дождешься. Тем более что Тодрик и на более конкретные-то не мог ничего сказать: его било крупной дрожью, как от падучей, вместо слов из горла выходил только глухой сип.

– Подайте воды, – велел Руальд. Почти тут же возник маленький кувшин. Дени протянул его принцу, но глиняный сосуд выскользнул из пальцев Тодрика и разбился с плеском. Принц замер, с какой-то совершенно звериной тоской глядя на лужу под ногами. Как будто не воды лишился, а услышал смертный приговор без права на помилование.

Из-за двери, со стороны дальних в этом коридоре темниц, послышался железный лязг. Кто-то отворил одну из решеток, и мгновением спустя до камеры Тодрика донесся отчаянный, полный ужаса крик.

«Нет! Нет! Пустите! А-а-а... Я не хочу! Не хочу... Не-е-ет!..» – рыдания несчастного стали ближе, а потом вновь отдалились, сопровождаемые негромким разговором двух стражников, которые даже не сбились с шага, волоча за собой преступника.

Парня вели на эшафот. Шут понял это сразу. Тодрик тоже. Глаза у принца стали совсем безумными.

– Ладно... – вздохнул король, едва только стенания и крики затихли. – Капитан, сопроводите Его Высочество в камеру для знатных, пусть ему принесут чистую одежду и позволят вымыться. Я вернусь ровно через два часа. Позаботьтесь, чтобы к этому времени принц был способен связно говорить.

Дени коротко кивнул, но Руальд уже выходил из темницы и даже не заметил этого. Шут же помедлил следовать за ним: он все смотрел на Тодрика, намеренно вытаскивая из памяти самые ужасные события, причиной которых стал брат короля. Ему хотелось снова ощутить тот гнев, ту ненависть, которые давали право судить. Но в голове почему-то настойчиво звучали

лишь слова наставницы о том, что порой человек – лишь орудие богов. А в следующий миг Тодрик поднял голову и встретился с Шутом глазами.

Ох, сколько же обиды, сколько безграничной, невыразимой никакими словами обиды было в этом взгляде! Она сочилась даже сквозь страх.

Шут не выдержал и вышел вон. Он лишь усмехнулся бы, погляди на него Тодрик с ненавистью, вызовом или презрением, как это бывало обычно... но чужую боль Шут не выносил. Догоняя Руальда, он подумал, что навряд ли захочет снова увидеть принца в ближайшее время. Пусть уж король один брата допрашивает. Или вот с Дени хотя бы.

«Не хочу, – твердил он, яростно печатая шаги по гулкому тюремному коридору. – Не хочу!»

А сам ненавидел себя в этот момент за слабость, за желание убежать... потому что после тех слов Руальда про «умного собеседника» было бы верхом безразличия и даже неблагодарности отходить в сторонку. Особенно если вспомнить еще и про упомянутый титул.

Дворянство...

В мальчишеские годы Шут даже, бывало, мечтал, что неплохо бы стать знатным, но чем дольше жил среди господ, тем большим равнодушием проникался к этой фантазии. Ему претила идея превосходства, которая пронизывала весь образ жизни титулованных особ. И была противна одна только мысль о том, чтобы стать одним из тех, кто больше всего увлечен своим внешним видом, размахом владений по сравнению с соседскими да попытками подобраться поближе к королю. Последнее было особенно противно. Может быть, именно поэтому Шут никогда не пытался выглядеть лучше, чем был на самом деле, и говорил по большей части то, что действительно думал, а не заливал сиропом уши окружающих. Со временем он настолько привык отличаться от вельможных господ, что уже едва ли сумел бы вообразить титул перед собственным именем.

Разве мог он тогда, даже в самых безумных фантазиях, представить, что детская мечта вновь завладеет его умом? Да по такой причине... Шуту и теперь было бы безразлично, как его называют, кабы не Элея, рядом с которой господин Патрик осознавал всю неприглядность своего безродного положения. Ради нее Шут без колебаний принял бы эти безумные правила этикета, эту столь чуждую ему необходимость любезничать. Мысленно он уже давно снял с себя бубенцы и отказался от восторженных возгласов изумленной публики, которая (чего уж скромничать) все-таки любила выступления господина Патрика... Только бы не видеть насмешек в глазах других людей. Насмешек, обращенных не к дураку в пестром наряде, а к той, кого еще недавно величали королевой.

Мрачные коридоры Лагона были путаны и наводили на Шута непреодолимую тоску. Как назло, он в какой-то момент умудрился свернуть не туда и очень скоро понял, что самостоятельно не выберется на верхние уровни. Лабиринт городской тюрьмы ветвился, путался, и вскоре Шуту стало казаться, будто он попал в чей-то дурной сон, бредовый кошмар... Крепко держа в руке небольшой факел, он шел все быстрее и молился о том, чтобы встретить хоть кого-нибудь, любого стражника, но все они как вымерли, а коридоры становились чем дальше, тем заброшенней. Лишь мрачные двери темниц безмолвно скалились своими зарешеченными оконцами, да свисала из углов паутина.

В конце концов Шут понял, что начинает впадать в панику. Он резко остановился и заставил себя вдохнуть поглубже. А потом на выдохе медленно открыл глаза по-другому.

Ох, лучше б он этого не делал...

Из другого мира Лагон виделся еще ужасней, чем наяву. Вся та скорбь, что таились в его стенах, немедленно обрушились на Шута липкой багровой сетью чужих страданий. От неожиданности он даже дышать перестал, но потом все-таки собрался с силами и заставил себя оглядеться, нащупывая путь наверх, прочь из этого кошмара. Кое-как Шут запомнил дорогу и

поспешил вырваться назад в привычную реальность, где тошнотворное дыхание тюрьмы было менее ощутимо. Обратно он бежал, почти не глядя по сторонам, желая лишь одного – увидеть свет, яркий солнечный свет. Вдохнуть полной грудью свежий весенний воздух, напоенный ароматами пробуждающейся жизни.

Когда Шут выскочил прямо перед караульным, стерегущим дверь на лестницу, тот изумленно поднял бровь.

– Э, господин, что это с вами? На вас прям-таки лица нет... Да как вы вообще забрались в этот переход? Им никто не пользуется уж лет десять!

Шут понял, что ему и в самом деле «повезло» по-настоящему заблудиться. И кабы не чудесный дар, возможно, Руальд так и не нашел бы даже косточек своего друга в бесконечных переходах лагонской утробы.

Отвечать стражнику Шут ничего не стал. С трудом изобразил улыбку и ринулся наверх, благо дверь не была заперта. Караульный что-то сказал ему вслед, но слова эти до Шутовых ушей уже не долетели. С трудом дыша, он вывалился на тюремный двор и в изнеможении опустился наземь под первой попавшейся стеной. У него даже не осталось сил задуматься, отчего никому и в голову не пришло останавливать его, спрашивать, кто он таков, и уточнять, не преступник ли.

– Светлые боги... – пробормотал Шут, проводя рукой по лицу и пытаясь стряхнуть налипшую хмарь. Но богатое воображение продолжало рисовать страшные картины существования в стенах Лагона. Пытки, невыносимое ожидание казни, тоскливую бесконечность одинаковых дней в заточении...

А потом вдруг вспомнилась та ночь, которую он сам провел в темнице.

Запах нечистот, крысы, холод, страх...

К счастью, спустя пару минут, к Шуту подошел один из гвардейцев и вывел из этого полубреда-полуобморока.

– Господин Патрик! Вас там король обыскался. Не изволите ли пройти? – Гвардеец смотрел на Шута с недоумением, оно и понятно: не каждый день приближенные к Его Величеству люди подпирают спиной тюремные стены. Да еще и с таким видом, точно сейчас без памяти свалятся. – Может, вам водицы подать? – спросил он обеспокоенно и переступил с ноги на ногу.

– Не надо... – Шут отмахнулся как мог небрежно и поднялся с холодных каменных плит, делая вид, что с ним все хорошо. – Ведите лучше к королю.

Шагая следом за гвардейцем в кабинет начальника тюрьмы, он и сам удивлялся, с каких это пор стал так чувствителен. Мало ли неприятного, даже отвратительного было в жизни? Но чтоб вот так... совсем потерять над собой контроль, поддаться страху и тоске...

Все это было странно.

И Шут не хотел, да волей-неволей возвращался мыслями к вчерашнему происшествию. Он даже пощупал плечо сквозь рукав, хотя оно больше не болело. И все же мысли о том, что враги снова попытались добраться до него, не оставляли Шута до тех пор, пока он не оказался в большом, но весьма неудобном кабинете, где Руальд уже успел выкурить несколько трубок, поджидая своего друга.

– Пат, – король, хмурясь, посмотрел на Шута, – что с тобой опять, а? Бледный, как мертвец.

Шут поморщился: рассказывать о своей слабости ему не хотелось, даже если она была не порождением его ума, а делом рук недругов.

– Заблудился, – коротко сказал он и упал в соседнее кресло, потянувшись оттуда к пузатому кувшину, стоявшему перед Руальдом. В том, что посуда содержит отличное вино, Шут даже на миг не усомнился.

Король посмотрел на него с недоверием и некоторой тревогой.

– Ладно, – решил он, когда Шут оторвался от кувшина и, утерев губы рукавом, вернул сосуд обратно на стол, – поедем в Чертог. Мне здесь не очень-то нравится... – Он встал и окинул комнату цепким взглядом, но, судя по всему, ничего подозрительного не разглядел. – Идем, Пат.

– А как же...

– Я отдам Дени нужные распоряжения. Побеседуем с нашим лордом Локом в другом месте.

Шут обрадовался. Каждая минута в Лагоне была для него теперь почти пыткой, хоть он и успокоился значительно с того момента, как вырвался из подземелья. Словом, говорить дважды не пришлось: он быстро вскочил и сообщил Руальду, что готов следовать за ним в любое место, лишь бы подальше от темниц.

– Да уж, – согласился король, – мне тоже этого удовольствия хватило. – И замолчал, нахмурившись, задумался надолго. Не иначе как пытался представить, что чувствовал его брат, брошенный в застенки на несколько бесконечных дней.

Лошади ждали их у входа.

– Где ты хочешь допрашивать его? – спросил Шут, ловя ногой стремя.

– В кабинете у Дени.

– А там...

– Да, безопасно. Капитан голову дает на отсечение, что без его ведома рядом и мышь не проскользнет. Я верю ему.

– Угу, – кивнул Шут. А сам подумал, что с той поры, как Руальд перестал доверять своим же людям, жизнь его стала значительно сложнее. Это так глупо, когда нужно прятаться от тех, кто должен помогать... Тем не менее выбор короля казался ему верным. Единственно верным. Ведь и в самом деле у Руальда тоже есть интуиция. И коль уж она так отчаянно кричит об опасности, значит, нужно прислушиваться. Только вот...

– Знаешь, Руальд, – осторожно начал Шут, – мне кажется, нам все равно не удастся надолго удержать в тайне, что твой брат жив. Что он готовил тебе ловушку и сейчас находится под стражей...

– Думаешь, я глупей тебя и ничего не понимаю? Да этот коршун Торья и сейчас уже, поди, все знает, только виду не подает. Он умен, как старая крыса. И столь же изворотлив. Но ты не переживай, я уже начал кое-что копать под него... думаю, скоро нам будет чем прижать господина министра.

Шут снова кивнул. А потом не выдержал и спросил:

– Послушай... Объясни мне все-таки, что между вами произошло? Ведь он всегда был таким... скользким, себе на уме, но ты прежде даже и не думал о подобных... переменах.

– Да как тебе сказать, дружище... – Руальд причмокнул, чтобы конь шел чуть быстрее. Он бы и вскачь его пустил, но тогда Шут не расслышал бы слова своего короля. – На самом деле думал. И достаточно много. Но, видишь ли, в то время, когда Элея еще была моей женой, работа Торьи и его статус меня устраивали. Мне тогда казалось, он незаменим на своем месте. К тому же отец очень уважал этого человека. Не знаю почему. Как-то не рассказывал он мне много про нашего министра безопасности. А жаль...

«Жаль», – согласился про себя Шут, но вслух ничего не произнес.

– Ну вот, – продолжал между тем король. – А потом-то мне не до него стало. И ни до чего. Ты же и сам помнишь, каким я был...

Он замолчал, потемнев лицом. Но постепенно выражение гнева уступило место печали.

Шут отвел глаза. Нар, и при жизни такая противоречивая, даже после смерти своей вызывала у него самые разнообразные чувства – от глубокой благодарности до полного отрицания многих ее поступков. Что уж говорить про Руальда.

Но король и так слишком долго предавался унынию, поэтому он лишь тряхнул головой и довершил начатую мысль:

– По сути, я действительно существовал в другой реальности. Но, понимаешь, в чем дело... я ведь не стал слепым. Просто смотрел на все... отстраненно. И все видел. Видел каждую уловку, каждую паутинку. Торья, к счастью, этого не учел. Думал, будто я совсем потерял ум. И делал что хотел. Словом... я в какой-то мере даже благодарен богам за все эти тяжелые дни. Так или иначе, а теперь мне гораздо лучше известно, о чем говорят у меня за спиной, кто мне по-настоящему верен и кого я должен опасаться.

А потом безо всякого перехода Руальд спросил вдруг совсем о другом:

– Ну и что все-таки с тобой случилось сегодня? Ты до сих пор еще бледный.

Шут задумался. О странном блуждании следовало рассказать. Но вперед того – о вчерашнем нападении. Однако впереди уже показались ворота Внутреннего города, и он лишь качнул головой.

– Потом, – Шут печально улыбнулся другу, словно извиняясь за отказ. – Может быть, вечером за стаканчиком вина... А может, даже завтра, на прогулке, подальше от стен и слушачей.

По выражению лица Руальда он понял, что тот совсем не рад такому ответу. Но спорить король не стал – пришпорил коня и первым проскакал под воротами замка.

4

Личный кабинет капитана Дени находился, разумеется, в одной из башен замковой стены, которую издавна именовали Небесной.

Это было аскетичное место, наводящее на мысли о казарменной строгости и почему-то о холостяцкой жизни. Окна небольшой комнаты, украшенной лишь книжными полками и оружием, выходили на плац, остальные три стены не имели с другой стороны никаких помещений, кроме узкой лестничной площадки за одной из них. Но лестница была заперта и даже заколочена, этой башней не пользовались уже очень давно. Так что единственная дверь открывалась прямо на улицу, а из окна можно было увидеть всякого, кто подходил к башне.

Раньше Шут удивлялся: почему капитан так любит уединение? Вроде бы и не затворник по натуре... Теперь все вставало на свои места: в отличие от Руальда, капитан гвардейцев всегда задумывался о безопасности во всех ее проявлениях. Невольно Шут проникся к Дени еще большим уважением. Сам-то он, подобно королю, как правило, был легкомыслен до безобразия.

Тодрика привезли в его любимой черной маске. Плащ с капюшоном подчистую скрадывал внешность пленника, и едва ли кто-то мог угадать в нем принца. Крытая повозка подкатила прямо к двери в башню. Дени выбрался из нее первым, а следом гвардейцы споро вывели своего «подопечного». Шут с Руальдом наблюдали эту сцену из окна небольшой таверны, где король, не заезжая во дворец, решил пропустить кружечку-другую крепкого пива. Это заведение удобно располагалось чуть в стороне от башни и гвардейской казармы, так что Шут отчетливо разглядел, как деревянно Тодрик прошел от повозки до двери в капитанский кабинет.

«Идем?» – спросил он Руальда одними глазами, и тот так же молча поставил обратно на стол тяжелую кружку с ароматным напитком и немедля встал, набрасывая плащ. «Небесная Мать, помоги нам!» – отчаянно попросил Шут и вышел из таверны следом за королем.

Больше, чем эта встреча, его страшило только объяснение с Элеей.

На сей раз Тодрик не попытался броситься к брату с просьбами о помиловании. Когда Шут с Руальдом вошли, он только поднял на них полные отчаяния глаза и сразу снова их опустил. Принц был умыт и причесан, ему дали новое платье, но все это мало что изменило: Тодрик по-прежнему походил на бездомного щенка, которого долго пинали уличные маль-

чишки. Может быть, потому, что лицо его больше не кривила едкая усмешка – ее сменило плохо скрытое ожидание нового удара. Натянутый как струна брат короля сидел на самом краешке жесткого деревянного табурета, словно в любой момент боялся услышать приказ о возвращении в Лагон.

Ничего не осталось от блистательного принца. Колесо богов сделало свой оборот, вернув Тодрику все то, что он успел посеять. Это было правильно и справедливо, но вовсе не доставляло радости.

Ни малейшей.

Шут посмотрел на Руальда, гадая, какую манеру разговора тот выберет теперь. Но король не стал больше устраивать представлений. Он спокойно обратился к Дени:

– Капитан, будьте добры, оставьте нас. Мне хотелось бы поговорить с Его Высочеством наедине. – Гвардеец кивнул, прищелкнув каблуками, и вышел. Шуту же подобной участи не досталось. – А ты сиди, Пат, – сказал ему король, когда тот надумал выскользнуть следом за Дени.

Затем Руальд перевел взгляд на своего брата и, наконец, заговорил с ним:

– Ну что, Тодрик... ты готов поведать нам свою историю или хочешь обратно в Лагон?

Принц вздрогнул и отчаянно потрянул головой.

– Нет... Нет! Не надо больше...

– Что ж, тогда рассказывай, – предвидя долгий разговор, Руальд достал трубку и не спеша раскурил ее. – Рассказывай, а мы послушаем.

Тодрик смотрел в пол. Он никак не решался поднять глаза и уж тем более начать говорить. Но пауза затянулась, принц понимал это.

– Я не знаю имени того человека... – произнес Руальдов брат еле слышно. – Он велел называть его просто Мастер. Мы встретились в замке барона Сайна. Там охота хорошая такая всегда... Барон нас и познакомил. Я даже не помню теперь, с чего все закрутилось. Но в какой-то момент я уже не представлял себе иной жизни. Не представлял, что навсегда могу остаться только принцем...

– Когда это началось? – спросил Руальд.

– Когда?... Когда все поняли, что у Элеи не будет детей. Когда я понял, что остался единственным наследником.

– Хочешь, значит, сказать, будто все эти интриги – не твоего ума выдумка? – король пристально смотрел на брата, но тот по-прежнему не поднимал глаз. Вопрос был дурацким, однако Шут понимал, почему Руальд задал его.

Тодрик покачал головой. Произнес со вздохом, весьма удивив Шута честным ответом:

– Они... мои. Просто этот человек, он поддержал меня. Поддержал, когда было плохо...

– Плохо?! – тут Руальд почему-то вдруг не сдержался. Он яростно схватил Тодрика за отвороты куртки и заставил посмотреть себе в лицо. – Да с чего же это тебе было плохо? Тебе, принцу! Да ты же в золоте купался и на золоте спал! – желваки так и ходили на заострившихся скулах короля.

– Ну и что... – совсем тихо ответил ему Тодрик. – Ну и что! – воскликнул он, с вызовом метнув взгляд на брата. – Ты тоже был окружен золотом, но разве оно стоило хоть чего-нибудь, когда ты лишился всех, кого любил?!

Опешив, Руальд отпустил принца, и тот снова брякнулся на табурет, вцепившись в него пальцами так, что они побелели. Однако плотину уже прорвало, и Тодрик даже не говорил – кричал...

– Ты... ты... только смерть этой ведьмы и показала тебе, что такое потеря! Ты же никогда не знал, что значит выть в подушку от бессилия! Оттого, что ты один! Что твой отец никогда не любил тебя! Оттого, что твой единственный родной человек – железная колода. Что он нашел себе нового любимчика, нового брата! – Шут вздрогнул от этих слов и снова почувствовал на

себе распаленный обидой взгляд принца. Тодрик выбросил вперед длинный дрожащий палец, указывая на него. – Он! Все он! Все ему! Это с ним ты ездил на прогулки, с ним ходил по кабакам! с ним делился своими радостями и печалью... – внезапно голос принца сорвался. Закрыв лицо руками, Тодрик громко всхлипнул.

– Вот как, – промолвил Руальд после минутной тишины. Глаза у него были растерянные, ни на Шута, ни на брата король не глядел. А Шут словно бы наяву слышал мысли своего короля. А может даже, и не его...

Когда на самом деле началась эта вражда? Нет, не с появлением Элеи... Гораздо раньше. Когда смерть короля Берна неожиданно сблизила чудака-мальчишку из балагана и первого наследника. Ведь и в самом деле... у Руальда был Шут, а его настоящий брат в это время остался один. И некому было выслушать, как это больно, когда умирает твой отец. Умирает, даже не оставив своего благословения, потому что он никогда на самом деле тебя не любил. Не любил, не понимал и не принимал. Потому что он стыдился твоих черных волос и безжалостно вешал всякого, кто намекал на чужую кровь...

Шут закусил губу, чтобы справиться с этой болью, которая накрыла его с головой.

«Никто не рождается подлецом, – зазвучали у него в ушах слова Ваэлы. – И у всякой злобы есть свои причины».

– И ты, значит, решил показать мне все то, что чувствовал сам... – промолвил Руальд подозрительно хриплым голосом.

– Нет! – ответ принца оказался несколько неожиданным. – Я не причастен к смерти Нар! И не я похитил твоего сына! Да, я желал занять твое место, но Мастер убедил меня, что ты при этом не пострадаешь! Что мы просто выставим тебя безумцем и тихо отправим на покой.

– Но ведь это ты вынудил меня выйти за ворота! Из-за твоих слов я оказался в плену!

– Да... Я был уверен, что Элея не даст отцу причинить тебе вред. Зато у меня было достаточно времени, чтобы подготовить твой уход.

– А Нар! Разве не ты отдал ее палачу?!

– Не я! – Тодрик искренне верил в свои слова. – Торья пожелал заполучить ее, а Мастер сказал, что пусть так и будет... – закончил он уже совсем тихо.

– Как все нелепо, – пробормотал Руальд. – Будто в глупой истории бродячего менестреля.

– А разве ты не знал? – Шут так удивился, что не сдержал вопроса. – Ведь тогда... прежде, чем он, – кивок в сторону принца, – пропал, у тебя было довольно времени, чтобы расспросить его об этом. Целый месяц!

Тодрик при этих словах сердито фыркнул и так смерил Шута своим любимым презрительным взглядом.

– Ты дурак, – сказал он Шуту. – Дураком был, дураком и останешься. Ты же совсем не знаешь своего любимого короля! А он тогда просто струсил! Поручил расследование Торье... Просто запер меня в этой проклятой комнате и ждал, что все каким-нибудь чудом решится само. Если бы не Мастер, я, может, до сих пор сидел бы там под стражей.

Тут уж Шут не выдержал:

– А разве темница Лагона показалась тебе уютней роскошной опочивальни?

Голос его прозвучал так ядовито, что Шут и сам удивился. Все-таки сильно он принца не любил.

Тодрик закрыл лицо руками и, стиснув зубы, застонал от той боли, которая сжигала его изнутри. Конечно же, на этот вопрос он ничего не ответил.

– Я все равно не понимаю, – сказал Руальд, – зачем нужно было устраивать такой омерзительный спектакль. Я знаю, тебе плевать на мои чувства, тебе было даже радостно узнать, как я скорбел о своем бедном брате... Но ведь из-за этого представления погиб другой человек! Тот, кто на самом деле сгорел в твоей комнате!

Тодрик вздохнул.

– Никто его не заставлял. Он сам пошел на это. Ему не на что было содержать семью. В обмен на смерть Мастер честно заплатил его жене. Ей хватило бы на очень хороший дом...

– О боги! – Руальд схватил себя за голову. – Да кто же он такой – эта погань, это отродье упырей?!

– Я не знаю, – снова повторил Тодрик усталым голосом, хотя возглас короля был больше риторическим. – Но он очень... очень странный. Он говорил такие вещи... порой мне самому было... не по себе.

«Страшно тебе было, – понял Шут. – И притом очень. Потому что или он сам, этот Мастер, или его друзья умеют проникать в чужие умы. И разрушать их силой своей мысли».

– Как вы отвели глаза гвардейцам? – спросил он то, что давно уже хотел узнать.

– Гвардейцам? – Тодрик растерялся. – Каким гвардейцам?

– Тем, что охраняли короля в ночь нападения Островов. И в день возвращения Руальда в Золотую.

– А... это... – Принц как-то очень уж несолидно шмыгнул носом и, пожав плечами, сказал: – Такая штучка... Похожа на наперсток. Мастер дал мне их целую горсть и велел раздавить одну, когда будет нужно сделать что-то незаметно и быстро.

– Я так и думал, – Шут в самом деле предполагал нечто похожее. Ваэлья рассказывала ему про подобную магию. И даже показывала собственные отманки. – Мастер... Ты хоть в лицо-то его видел, Ваше Высочество? Или у вас маски – это главная деталь туалета?

Тодрик зыркнул на Шута сердито, но ответил:

– Не видел. Но ростом он не слишком велик. И немолод, это заметно.

– Что же ты так охотно его теперь выдаешь? – не удержался Руальд. – Только потому, что твой Мастер не поспешил вытащить тебя из Лагона?

Тодрик вздрогнул. Наверное, он и в самом деле очень ждал, что этот человек протянет ему руку помощи.

– Не поэтому... – сказал он тихо. – Он... чем дальше, тем больше пугал меня.

В кабинете снова повисла тишина.

5

Вечером в Чертоге был званый ужин для разных господ. Гости полагали, что их просто пригласили задаром набить нутро вкусной снедью, но у Руальда имелись свои соображения на этот счет.

У Шута тоже.

Ему до смерти надоели ядовитые шепотки за спиной. «Элея, Элея, Элея...» Подданные короля склоняли имя своей бывшей властительницы на все лады. Так что этот праздничный ужин оказался как нельзя кстати.

Едва только гости выпили достаточно для обретения благодушного настроения, Шут незаметно возник в гуще дамского общества. Он выделил взглядом самую расфуфыренную особу и громко воскликнул у самого ее уха:

– Ах, мадам, вы так неотразимы! Где вы взяли эту шляпку? Я тоже хочу! – с этими словами ловко, одним движением, он снял означенный кружевной кошмар с хорошенькой, но совершенно пустой головы. – Ба! А мне идет! – И закрутился во все стороны, кокетничая. Да, у него больше не было костюма с бубенцами, но дворцовые прихлебатели рано возомнили, будто могут теперь свободно жить и чесать языками, как помелом. Шут сложил губы бантиком и захлопал ресницами. – Я та-а-акая неотрази-и-имая!

Дамы прыснули от смеха, переводя взгляд с Шута на свою подругу, которая в растерянности моргала ничуть не хуже.

– И что я вам скажу! – продолжал выступление Шут. Краем глаза он отметил, как большинство взглядов устремились в его сторону. – Я ведь такое знаю! Да-да! Про бывшую коро-

леву! Конечно! Разве можно говорить о чем-то еще?! – Он кокетливо повел невидимым подолом, словно хотел убедиться, все ли с ним в порядке. Потом поправил шляпку. – Так вот! Главная новость! – И сделал эффектную паузу, дождавшись, пока все присутствующие женщины, да и мужчины тоже, не обратили на него внимание. – Я слыхала, – он томно вздохнул и послал поцелуй одному из вельмож, – Элея подкинула Его Величеству совершенно кошмарную идею! Знаете какую? – И еще одна пауза. Еще один поцелуй в сторону давящихся от смеха гвардейцев. – Чтобы всех – всех! – дам выгнать со двора! Мол, милый бывший супруг, зачем тебе кормить столько бесполезных ртов? Они не годны для войны, они не умеют охотиться, а самое главное – в Чертоге ведь больше нет королевы!

Это был подлый и злой удар. Разговор на означенную тему действительно поднимался в королевском кабинете, но зачинщиком его являлась, конечно же, не Элея. Впрочем, Руальду не было дела до курятника при его троне.

Только дамы об этом знать не могли.

Оправив воображаемые груди, Шут эффектно выдернул из-за пазухи длинный свиток. Пока без записей... но это уж точно ненадолго!

– Я предлагаю, пока не поздно, написать прошение! В защиту фрейлин и других прекрасных леди нашего двора! Чем больше подписей мы соберем, тем больше шансов, что Его Величество не исполнит свой ужасный план!

Большинство мужчин к этому моменту уже держались за животы и хрюкали от смеха. Но самим фрейлинам и «другим леди» было вовсе не весело. Они остались в большом расстройстве, когда Шут неуловимо скрылся в толпе вместе с уродливой шляпкой, которая так напоминала вывернутый наизнанку торт.

Когда он вернулся домой, Элея уже давно спала.

Прежде чем забраться под одеяло и крепко обнять ее, Шут вылил на себя пару ведер холодной воды, чтобы смыть все заботы и тревоги минувшего дня. А потом он просто лежал рядом со своей королевой, вдыхая этот такой неповторимый запах ее волос, а руки сами собой тянулись обнять... прижать к себе покрепче. Никуда не отпускать.

Просто быть рядом. Всегда.

«Милая моя... Как же я все скажу тебе завтра? Как я буду здесь без тебя?»

Он тихо поцеловал ее в макушку – бережно и невесомо, чтобы, не приведи боги, не потревожить.

Утро разбудило его солнечным светом, скользнувшим по лицу. Шут хотел спрятаться, уткнувшись Элее в плечо, но обнаружил, что она уже покинула их ложе. Немного огорченный, он привстал на локтях и огляделся: комната тоже оказалась пуста, но все здесь было насквозь пронизано присутствием любимой женщины. Даже не потому, что ее вещи лежали повсюду, а просто... просто само пространство впитало образ принцессы. Шут снова подумал, о том, как мучительно будет расставание, но не стал беречь душу раньше времени, а просто выбрался из постели и долго плескался в умывальном тазу, разгоняя остатки сна и мрачных мыслей. Он уже решил, что это утро не должно быть испорчено никакими скверными разговорами.

Потом. Позже. Может быть, ближе к вечеру.

Шут одного не учел – что Элея тоже умеет чувствовать... Порой слишком хорошо.

Фальшивость Шутова веселья она распознала уже во время завтрака. Пока старый лакей подавал горячее угощение, Шуту еще удавалось трепать языком о разных глупостях, но, как только слуга покинул столовую, Элея перестала улыбаться и отложила надкушенный пирожок с яблоками.

– Пат, – она нахмурилась и посмотрела на него пристально, – ты ничего не хочешь мне сказать?

Шут застыл с ложкой во рту. Мед, который он только собрался проглотить, перестал быть сладким.

– М-м-м... – произнес он невнятно, надеясь, что Элея усомнится и не будет приставать к человеку, у которого рот набит едой.

Не помогло.

– Пат.

Шут вздохнул и вернул ложку на блюдечко. При этом он, всегда такой ловкий, почти залез рукавом белой домашней рубахи в чашку с медом.

– Может, не стоит? – спросил Шут жалобно, но, натолкнувшись на требовательный сердитый взгляд, поник плечами и выложил разом, чтобы не тянуть: – Ты должна уехать.

И сразу же показалось, будто повеяло холодом. Будто тучи закрыли солнце.

– Почему? – она спросила так тихо, что Шут почти наяву почувствовал боль в сердце.

– Потому что я люблю тебя... – ответил он, глядя ей в глаза. – Потому что я очень сильно тебя люблю. – Но эти глаза все равно наполнились хрустальным блеском. – Ну Элея! Пожалуйста... пойми! – И, как всегда торопясь, принялся рассказывать обо всем случившемся за минувшую пару дней.

– О боги... – Элея совсем расстроилась. – И ты, значит, хочешь, чтобы я теперь тебя оставила... – Она закрыла лицо ладонью и быстро встала из-за стола. – Не надо! – воскликнула принцесса, когда Шут попытался остановить ее. – Пусти...

Да... он знал, что этим все кончится. Мгновение Шут колебался, а потом все же нагнал ее и обнял так крепко, что Элея и при всем желании не смогла бы вырваться. Закрыл своими руками, как щитом, и распахнул себя навстречу Поток.

«Я же правда люблю тебя! – говорил он ей беззвучно, зная, что она не услышит, но все почувствует. – Люблю...»

Потом мыслей не осталось, только безграничное желание уберечь от всяких бед, только яркий свет от одного сердца к другому.

– Патрик... – она наконец перестала обиженно каменеть в его руках и положила голову Шуту на плечо. – Ну как же... Как?

– Я и сам не знаю, – промолвил он. – Даже представить себе не могу. Больше всего на свете я хочу быть с тобой сейчас... – Его ладони нежно легли на совсем еще незаметный, но такой драгоценный живот любимой. – Быть с тобой рядом каждый день. Видеть, как ты меняешься, как растет это чудо... – Ему трудно было говорить. В самом деле трудно. – Светлые боги... мне ничего больше не нужно!

Если бы только она знала, как это невыносимо – отказываться от того, что так желанно, что так дорого. Но Шут не стал ничего говорить, оставил свою боль себе. Впрочем, он был уверен, что Элея все поняла и без слов.

– Ладно... – прошептала она. – Ладно. Если это в самом деле так важно...

Шут тоже ничего не стал говорить в ответ, только обнял любимую еще крепче, зарылся лицом в золотистые волосы. В горле у него стоял комок, и по-прежнему хотелось лишь одного – быть рядом с ней, с его королевой, и никуда ее не отпускать от себя. Или самому бросить все и уехать вместе. Он бы, может, так и сделал, кабы не осознание, что самому ему от этого зла никуда не убежать и не скрыться.

– Когда, Пат?.. – слова походили на шелест и были едва различимы.

Он снова промолчал. Ответ витал в воздухе: чем скорей, тем лучше.

Возвращаясь во дворец, Шут думал, о чем заговорить с Руальдом в первую очередь. О нападении, которое случилось два дня назад? Или сказать, что пора снарядить для Элеи корабль на Острова? А может, для начала спросить, как там принц? Вчера беседа с Тодриком продлилась до ночи, и, уж конечно, ни о каких других проблемах Шут с Руальдом говорить не

пытался. Он до дома-то едва доехал, выжатый, как виноградный жмых. Эта встреча с братцем короля вымотала его хуже, чем любые кувыркания перед публикой.

В конце концов Шут решил, что правильной будет сначала рассказать о нападении, а потом уже, исходя из этого, попросить корабль. Ну а про Тодрика можно и в последнюю очередь узнать – небось, за ночь-то принц мало чего успел нового поведать или отчудить.

«А потом зайду, наконец, к мадам Сирень, – подумал он. – А то уже совсем нехорошо, она меня с позавчера ждет».

У парадной лестницы на первом этаже Шут заметил пару очаровательных молоденьких девиц. Одеты они были не слишком броско, можно даже сказать, со вкусом, а по манерам сразу понятно – из провинции. Девушки смущенно заулыбались, увидев Шута, так смешно вспыхнули румянцем, что он невольно ухмыльнулся в ответ. А сам принялся гадать, откуда гости могли взяться. Не иначе как чьи-то дочери, которых решили представить свету. Заговаривать с ними Шут не собирался, у него и своих дел было более чем достаточно. Однако не успел он ступить на лестницу, как одна из девушек – повыше ростом и поярче лицом – робко спросила его:

– Простите, господин, а как нам пройти в сад? – и ресничками так кокетливо взмахнула.

Прежде Шут непременно поддержал бы беседу. Уж ясно, что сад – это только повод познакомиться. Но теперь ему было совсем не до того. Он лишь торопливо кивнул и в двух словах объяснил, куда идти.

Почти кожей почувствовал разочарование девушек. Особенно младшей...

Быстро поднимаясь по ступенькам, Шут попытался увидеть себя со стороны, чтобы понять – ну чего им так нейдет? Разве мало во дворце красивых широкоплечих гвардейцев? Или родовитых дворянских сынков? Наверное, эти две прелестницы еще не успели разглядеть, сколько мужчин ходит по Солнечному Чертогу. А то зачем бы им кидаться на первого встречного – невыспавшегося и такого хмурого типа. Он и улыбнулся-то им только потому, что другому уж никак было невозможно.

И вообще... Ему нужна была только одна единственная женщина.

– Руальд! – Шут вошел к королю решительно и даже дерзко. Он лишь один раз громко стукнул в дверь и сразу распахнул ее. Король удивленно поднялся с софы, на которой мгновение назад задумчиво курил свою красивую трубку в золотой инкрустации. – Мне надо с тобой поговорить!

– В чем дело? – Король встревожено нахмурился, подошел к нему и впервые за все эти дни заглянул наконец в глаза. – Что случилось?..

Рассказ Шута много времени не занял. Просьба тоже. И не успел он закончить, как Руальд уже дергал сигнальный колокольчик, вызывая лакея.

– Капитана гвардии ко мне! Срочно! – Слуга испуганно кивнул и поспешил убраться, выполняя волю государя. – Ох, Пат, – король посмотрел на Шута как-то странно, – не понимаю я. Тодрику голову задурили... так мало им. Ведь ясно же теперь, что ничего у них не вышло! Я жив, мальчик мой тоже. Тод теперь уже навряд ли купится на посулы власти. Чтобы сбросить с трона нашу династию придется проворачивать новые интриги, подкупать новых людей. В конце концов убивать уже не только меня одного, а это слишком очевидная измена... И ты! Ну причем здесь ты?! Почему они тебя-то не оставят в покое?

Шут пожал плечами. И подумал, что, даже если бы и оставили... сам он все-таки не сумел бы бросить короля теперь. Может, потому и не давали ему житья. Осознавали прекрасно: господин Патрик опять встрянет клином в любой каверзе против Руальда. Почему так сложилось, Шут и сам не знал. Только понял вдруг, что причиной тому даже не чувство вины перед другом и не давняя благодарность за спасенную жизнь. Нечто большее лежало в глубине их связи, их удивительного родства.

– Пат? – король тронул его за плечо. – Покажи мне эту... этот... оберег.

Шут кивнул. Расстегнув дублет и ослабив завязки рубахи, он обнажил руку, позволяя Руальду увидеть работу шамана.

– А почему именно ящерица?

– Кайза так увидел... Я и сам не знаю – почему. Говорит, что на меня похоже, – он улыбнулся, а минутой позже камердинер доложил о приходе капитана.

В подробности о нападении на Шута король вдаваться не стал. Может, Дени и догадывался о необычных новоприобретенных способностях господина Патрика – и уж наверняка это было именно так, – но все равно лишний раз напоминать о них не стоило. Поэтому Руальд просто отдал четкие указания о срочном снаряжении личного королевского корабля для плавания на Острова.

«Давиан обрадуется...» – подумал Шут с грустью.

В Чертог прилетело уже немало птиц из Брингалина: отец Элеи очень хотел знать, когда его дочь прекратит вести себя точно простолюдинка без долга и чести да надумает-таки вернуться домой. Принцесса же все больше отмалчивалась, ограничиваясь короткими уведомлениями о том, что жива, здорова и наследницей более быть не собирается. Шут не спрашивал, писала ли она отцу о своем безумном выборе... Скорее всего – да. Да и наверняка Давиан все прознал от своих осведомителей. Слухи-то по Чертогу гуляли – ох какие красочные! Шут не знал, чьими стараниями, но связь его с бывшей королевой почему-то очень быстро стала известна всем обитателям дворца. Впрочем, он догадывался, кого стоит благодарить за эту милую откровенность...

После той встречи в подземелье Шут видел Торью лишь дважды. И оба раза министр при появлении господина Патрика начинал вести себя странно. Он словно забывал, о чем только что шла речь в разговоре, и, хотя по-прежнему делал вид, будто не замечает Шута, на самом деле только о нем и думал. Шут чувствовал эти мысли, липкие и тревожные, но страха больше не испытывал – лишь желание убраться подальше. Ему было противно, будто в свежую кучу наступил. А когда представлял себе, что говорит Торья – и что думает – про Элею... сразу хотелось надеть на министра мешок поплотней, лишив его тем самым возможности рассеивать вокруг себя поганные мысли.

Так что пусть принцесса поскорее уезжает из Золотой. Чем дальше она будет, тем меньше ее коснется эта скверна. Вот только невыносимо жаль, что ей придется жить там одной. Одной сносить все те же неизменные сплетни и взгляды, полные презрения. Особенно когда станет невозможно скрывать ее положение...

– Пат? – Руальд посмотрел на него удивленно. – Ты чего?

А что он... ничего. И вовсе даже не скрипел зубами. Это вам, Ваше Величество, все показалось...

6

– Ну и вот... А потом-то будет большая ярмарка, может, даже пиво король велит бесплатно разливать.

– Э! Ишь, чего размечталась, пива ей! Я вот слыхала, что Руальд самолично решил проверить казну и теперь медяка лишнего не вытряхнет. Кстати, сказывают, и фрейлин всех разгонит – дорого их содержать! Вот бы хорошо было... Работы-то насколько меньше. Да чего ты, дуреха, делаешь, а?!

Горничная, что постарше, сердито отняла у молоденькой помощницы край Шутова одеяла из шкур, которое та попыталась оттереть.

– Дык ведь уделано же! – воскликнула девчушка. – Никакой водой не постирать...

– И пускай... Откуда тебе знать, чего это за пятно. Вдруг оно для хозяина важность какую имеет, он же чужак тот еще! Уйди лучше, бестолковая!

Пятно это, некогда темно-красное, а теперь давно потемневшее, Шут оставил еще в те дни, когда ходил хмельной от ночи с Нар... Пролил вино, недотепа. Никакой ценности в нем не было, но подобное отношение горничной не могло не вызывать уважения.

Они не видели его: Шут возник на пороге бесшумно и успел выслушать целых три занятных сплетни про Руальда и одну про себя, пока женщины пытались привести эту берлогу в порядок. Вообще-то ему хотелось отвлечься от всего и хоть пять минут повисеть на перекладине. Желательно вниз головой, чтобы отлегло наверняка. Но мешать служанкам он не стал и так же незаметно выскользнул обратно в коридор. А там после недолгих раздумий решил наконец посетить мастерскую мадам Сирень.

Пока Шут снимал старую Руальдову рубаху, госпожа Иголка с ее острым взглядом опять зацепилась за шрам у него на груди. Она и на примерке заметила этот тонкий рубец, но тогда промолчала, а на сей раз не удержалась:

– Патрик, – осторожно коснулась прохладными сухими пальцами попорченной кожи, – кто тебя?

Он хотел соврать, но почему-то передумал и начал вдруг рассказывать старой портнихе о том, как Кайза лечил его в степи. Шут и сам не знал, что подтолкнуло его к этому, ведь он даже Руальду не сообщал таких подробностей. А мадам Сирень, забыв про обнову в своих руках, слушала внимательно, и глаза ее были полны понимания. Когда одна из помощниц попыталась сунуться с вопросом, швея отмахнулась от нее сердито. И девушка мгновенно поняла, что ее срочное дело может и обождать.

Незаметно для себя Шут перешел на рассказ о самом Кайзе, о степи, о том, какое это безумно прекрасное, но такое суровое место... совсем не подходящее для королевы. Он вспоминал те дни, что провел с ней в Диких Землях. И сам не понимал отчего, но был странно счастлив поделиться этими моментами своей жизни с человеком, который не задавал глупых вопросов и не пытался давать оценок. Мадам Сирень вообще была не слишком охоча до обычных женских пустословий, и Шут ни разу не слышал, чтобы она хоть невзначай упомянула имя Элеи без должного повода. Эта женщина обладала редкостным талантом не лазить в чужую жизнь.

– Бедная девочка... – только и промолвила она, слушая Шута. – И ведь ни слова не сказала.

Королевская портниха действительно имела длинную беседу с принцессой лишь парой дней ранее того, когда снимала мерки с Шута. К Элее она сама приезжала в загородный дом и тоже почему-то не пожелала удовольствоваться старыми своими записями о ширине груди и бедер бывшей королевы.

Внезапно Шута озарило на эту тему.

– А ведь вы... – он попытался подобрать слова, но лишь запутался в них. – Ведь вы все знаете... про Элею... про ее...

Швея улыбнулась. Ох, что это была за улыбка! Торжествующе-радостная, исполненная нежности и тепла.

– Я чувствовала, – ответила она. – Но не думала, что уже... так скоро.

Шут смущенно пожал плечами.

«Долго ли? – усмехнулся он про себя. – Если женщина способна зачать дитя, а мужчина не старается ее от этого оградить...»

– А я всегда удивлялась, – негромко сказала мадам Сирень, – отчего Элея никак не затяжелеет. Ведь знала совершенно точно, что у нее должны быть дети...

– Да ну?! – тут уж сам Шут удивился. Неужели все это было предначертано много лет назад? Этот ребенок, отцом которого стал вовсе не король.

– Знала... И долго гадала, как это мое видение могло обмануть меня. Ведь уже по всему выходило, что наследника у них с Руальдом не будет...

Она смотрела на Шута странно, он никак не мог понять, что означает этот взгляд.

– Вы тоже осуждаете ее? – спросил вдруг. – Нас...

Портниха качнула головой.

– Что ты, мальчик мой! – она крепко сжала ладонь Шута, которая лежала на краю стола. – Как я могу? Элея... она заслуживает этого счастья. Боги, как я молилась, чтобы у нее все было хорошо...

«А сложилось как попало, – подумал Шут. – Вместо короны – ехидные шепотки по углам дворца, где когда-то ей все только кланялись да рассыпались в реверансах».

Мадам Сирень словно почувствовала его мысли.

– Не вини себя, Патрик. Видят боги, такая судьба ничуть не хуже, чем та, которую Элее прочили изначально. – Увидев, что он все равно хмурится и смотрит в пол, портниха снова легонько тронула его за руку. – Поверь мне, это в самом деле так. Тебе трудно понять, может быть, потому, что ты мужчина. Поэтому поверь мне, как женщине. Я знаю, что говорю. Для нас важнее быть с любимым и рожать детей, чем долгие годы оставаться украшением при высокородном супруге. Женщина может сколько угодно стенать, что устала от пеленок, что подурнела после родов, что лишилась свободы... Все это верно только до той поры, пока она не представит себе, как жила бы без этого прекрасного безумия. Потому что, однажды приложив к груди дитя, ни одна из нас не сумеет отказаться от счастья быть матерью. Даже если ради этого придется пожертвовать короной.

Шут молчал. Не знал, что сказать.

У ног его послышалось жалобное «м-мя» – это большой красавец-кот, обитающий у портних, пришел просить чего-то.

– Ай, Бархат! – сердито воскликнула мадам Сирень. – Опять ты! Иди лови мышей, лентяй! Иди, иди... – И мыском туфли аккуратно задвинула кота под соседний стол. Улыбнулась Шуту и продолжила: – А еще открою тебе секрет: всякая женщина считает, что это именно она выбрала себе спутника жизни. А не наоборот. – Портниха подмигнула Шуту. – Так-то! И от тебя, друг мой, ничего не зависело. Прими это все как дар судьбы... И не пытайся взвалить на себя ответственность за то, что было решено вовсе не тобой.

– Но они все так сквернословят! – не выдержал Шут. Обида прорвалась слишком громким, отчаянным выкриком. – Взбивают свои сплетни, точно сливки в ведре. Я знаю... Стоит мне отвернуться, за спиной начинаются перешептывания. И эти взгляды! Как на торговой площади. Я почти слышу их мысли: «Ну на что же она тут купилась?»

– Ох, Патрик... – мадам Сирень глубоко вздохнула. – Как я тебя понимаю. Мой муж тоже не был... идеальным женихом. Его считали едва ли не бандитом. Молодой, удачливый, он вышел из семьи купцов, но не боялся связываться с самыми низами. Все говорили мне – как можно? С таким? Он ведь сам почти пират. К тому же не красавец вовсе. Чего я только не наслушалась. Но мы любили друг друга, понимаешь? Я знала, что никогда не пожалею о своем выборе. А чужое мнение... Да гори оно огнем! – с этими словами мадам Сирень поднялась со стула и развернула наконец свой сверток с новым костюмом для Шута. – Я посмотрю, как эти сплетники заговорят, когда увидят тебя таким!

И отбросила в сторону льняной покров.

Шут замер. Во все глаза уставился на обнову.

Это уж точно не было костюмом для дурака.

– Н-но... – растерянно промолвил он. – Ведь это же...

– Хочешь сказать, слишком хорош? – портниха усмехнулась. – А я вот так не думаю! Надевай.

Сколько раз уже Шут стоял перед этим высоким, потемневшим в углах зеркалом, которое украшало мастерскую с незапамятных времен. Сколько раз видел в нем свое отражение – невысокого человека с лукавым взглядом, чья худоба была талантливо сокрыта пестрыми нарядами в бубенцах и лентах. Но теперь он не узнавал себя.

Тощий паяц исчез. Вместо него зеркальная гладь являла стройного молодого мужчину, в котором только слепой не признал бы дворянина. Новый дублет был такого глубокого синего цвета, какой можно увидеть, глядя на небо после заката в очень ясный вечер. Мастерицы украсили его серебристой нитью и пуговицами с жемчужным блеском. А рубашка – как обычно шили для Руальда: белоснежная, с ворохом манжет и таким же роскошным воротом. В этом наряде Шут сразу вспомнил свою первую встречу с Элеей. Тогда юный господин Патрик был одет очень похоже, вот только ему ни разу больше не захотелось доставать из шкафа злополучный костюм, ставший причиной многолетней обиды...

– Я похож на принца... – тихо промолвил он, оправляя богатый пояс с серебряной пряжкой.

– Да, – спокойно согласилась мадам Сирень. – Именно то, что тебе сейчас нужно.

– Но... – Шут не знал, как объяснить. – Но я чувствую себя так странно. Будто играю чужую роль.

– Значит, тебе придется к ней привыкнуть, – услышал он в ответ.

Портниха была права. Тысячу раз права. Ему просто не оставили другого выбора.

– Спасибо... – это единственное, что Шут мог сказать. Впрочем, благодарность его была очень искренней.

– Да на здоровье, – улыбнулась мадам Сирень. – Через пару дней девочки тебе еще рубашек дошьют и костюмов пару. А то не дело высокородному господину в одном платье ходить. Она весело подмигнула Шуту, словно опасалась, что он не поймет дружеской подначки.

7

Снаряжение корабля шло полным ходом, до его отплытия оставались считанные дни. Однако и Элея, и ее отъезд уже далеко не так сильно заботили придворных брехунов – у них появились гораздо более серьезные поводы для сплетен.

Руальд основательно решил навести порядок.

Король с головой ушел в изучение финансовых и еще каких-то очень мудреных документов государственной важности. В ходе этой проверки капитан Дени постоянно получал от него задания, назначение которых было понятно только им двоим. До предела оказался загружен и советник. Вот только данные ему поручения, скорее всего, не имели большого смысла... Зато начисто лишали возможности заниматься иными делами.

В это время по всему дворцу начались обновительные работы и генеральные уборки, почти половина слуг была разом уволена, вместо них появлялись новые люди. Солнечный Чертог напоминал военный гарнизон, куда неожиданно нагрянул главнокомандующий. Или просто большую берлогу, чей хозяин наконец очнулся от долгой зимней спячки и с громким рыком заявил о своих правах.

Недовольных было много. Пересудов со сплетнями тоже хватило бы на целый год спокойной жизни. И, уж конечно, больше всего говорили о последнем совете...

Мало того, что король обнародовал несколько совсем невеселых для дворянства постановлений о налогах, так еще и обрадовал появлением нового лица в рядах знати.

Их Величество объявили-таки о присвоении господину Патрику благородного титула.

Нельзя сказать, будто Шуту эта церемония доставило много радости – он представлял ее иначе... Наивно полагал, дурень, что будет такой ясный солнечный день, много громких слов, нарядные девицы с радостными лицами и сам он – торжественный, в богатом костюме... Но с утра небо затянули тучи, а тронный зал никто и не подумал украсить цветами и лентами. Куда

там... совет обещал быть скандальным и тягостным. Шут вообще не понимал, зачем Руальду понадобилось совмещать наградную церемонию и разбирательства с недовольными. Он сразу сказал королю, что это дурная затея и ничего хорошего из нее не выйдет. Но тот лишь покачал головой: мол, мне виднее.

Как знать, может быть, он и впрямь лучше понимал, когда награждать, а когда обождать. В итоге все вышло как-то очень уж незаметно.

Руальд даже не поменял интонации, оглашая приказ о присвоении господину Патрику титула графа, хотя минуту назад столь же спокойным бесцветным тоном подводил итоги большой казначейской ревизии. Когда Его Величество дал знак, лакей в парадной ливрее возложил на голову Шута тонкий серебряный обруч королевского вассала и вручил плотный свиток с печатью Крылатого трона. Шут даже не развернул бумагу. Так же буднично он принес клятву верности, пообещав «хранить и защищать короля и его интересы, покуда жив и способен к действию». Руальд благосклонно кивнул, и на этом церемония была окончена. Шут вернулся на свое место среди других господ полноценным дворянином, но совершенно не почувствовал, будто что-либо в его жизни изменилось.

Впрочем, он очень быстро понял: Руальд был прав. Так оно лучше. И демоны с ней, с этой торжественностью. Сдалась она Шуту, как червивые грибы! Зато косых взглядов – вполтину меньше обычного. От пересудов, конечно, никуда не деться, но Шут сразу почувствовал, что на фоне всех дворцовых изменений его неожиданное возвышение оказалось почти незаметным. Ну болтали об этом придворные дамы да прачки, а спустя пару минут уже и забывали, имея куда более существенные заботы: первые думали, как бы не схлопотать от своих якобы обиженных королем мужей, а вторым важнее было не лишиться хлебного места.

Шута эта незаметность только радовала.

Земля ему тоже досталась: небольшой удел на юге. С весьма неплохим годовым доходом.

Да еще – новое имя. Родовое имя, без которого, уж ясное дело, ни один дворянин пока не обошелся. Руальд не стал долго ломать голову над выдумкой поэтичных благозвучий. У него только один был вариант...

Граф Ветер.

А вот Элея оказалась совсем не равнодушна к тому, что говорят и думают другие люди о новом положении ее избранника. Она с интересом расспрашивала Шута обо всем, слушала внимательно, ловя глазами каждое движение его бровей, усмешку или вздох. Ее волновала любая мелочь, все дела, которыми он занимался в течение долгого дня без нее...

Элея скучала в этом большом загородном доме (который, к слову, также перешел во владение графа Ветра). Кроме пары новых слуг, с ней осталась только Молчунья. Немая девушка была искренне рада во всем помогать принцессе, которую считала своей спасительницей, но много ли с ней, безъязыкой, наговоришь?

Служанка из Дор-Виара не колебалась даже мгновения, когда ей предложили остаться при дочери короля и следовать за ней в Золотую Гавань. На пути к столице Молчунья не отходила от Элеи, но забота ее была искренней. Девушка очень быстро научилась предугадывать желания принцессы прежде, чем та сама о них задумывалась.

Разумеется, на вопрос, поплывет ли она в Брингалин, Молчунья закивала так отчаянно, что Шут всерьез испугался за цельность ее шеи.

А вот матушка Лута уже наверняка была в своих родных краях. Кормилица сопровождала наследника до самого Чертога и пробыла с ним еще несколько дней, но потом все же упростила отпустить ее домой, туда, где простую крестьянскую женщину ждала своя семья и родные дети. Шут со смехом рассказывал Элее, как дивилась всему кормилица, оказавшись во дворце. Как охала на каждую расписную колонну, пышные наряды фрейлин, вездесущую позолоту и прочие неизменные атрибуты королевского двора. Рассказывал, а сам вспоминал себя, точно такого же наивного, не искусенного роскошью дурачка с широко распахнутыми глазами.

Но отъезд матушки Луты имел значение, наверное, только для Фарра. Шут же по-настоящему расстроился, когда узнал, что Золотую покинул Кайза...

Шаман исчез, по обыкновению ничего не сказав и не считая нужным объясниться. В одно прекрасное утро Шут просто обнаружил, что степной жеребчик его друга больше не стоит в конюшне загородного дома, а из комнаты, где Кайза обитал, пропали все вещи шамана, включая бубен.

Сначала Шут растерялся. На мгновение даже почувствовал себя брошенным и беззащитным, как в детстве. Но потом, конечно, успокоился, решил – значит, так надо. Что уж тут поделывать? Кайза с первого дня тяготился большим городом, хоть и жили они в стороне от шумных улиц. И с самого начала говорил, что скоро оставит друзей.

Только не уточнял – когда...

Элея на это лишь плечами пожала. «Он же шаман, – сказала принцесса Шуту. – Он человек степи. Что ему наши правила?» В голосе ее не было обиды или огорчения, только легкая грусть.

Несколько дней Шут ждал, надеясь на возвращение друга, но вскоре увидел сон, который не мог истолковать иначе, как послание.

Привиделась ему широкая, бескрайняя степь, сизые сумерки, ковыль по пояс. И высокий резной столб с диковинными лицами. Под столбом сидел задумчивый Кайза. Вместо бубна он держал в руке черного ворона. Шут хотел спросить, куда же ты, мол, пропал? Но обнаружил вдруг, что нем, как служанка Элеи. Он только-то и сумел – жалобно протянуть руки к шаману, точно малое дитя, потерявшее мать. Но Кайза улыбнулся и покачал головой – не время. Ворон, сидевший у него на запястье, смотрел цепким взглядом, так напоминающим глаза самого шамана. И когда в шелест трав и посвист ветра вплелись негромкие слова, Шут даже не удивился, что заговорила именно птица, а не Кайза.

Увы... проснувшись, он почти ничего не помнил из слов ворона. Только одна фраза накрепко засела в голове: «Будь осторожен».

Больше Кайза Шуту не снился. А Шут не пытался его искать – ни в обычном мире, ни в том, где они встретились впервые.

8

Прощание вышло коротким. Элея старалась не расплакаться, Шут – не обронить чего лишнего и удержать на лице примороженную улыбку. Ну да, она была не слишком хороша, эта нелепая гримаса, но Шут всерьез опасался, что, перестав улыбаться, сам от расстройства наделает глупостей.

Они почти ничего не говорили: все слова были сказаны еще несколько дней назад. И о том, что так надо, и о мудрости высших сил, и, уж конечно, о ничтожности расстояний, которые не в силах разлучить на самом деле. Слова больше не имели смысла... но вот оторваться друг от друга Элея и Шут не могли. Он проводил любимую до самой каюты – большой и светлой, как положено принцессе – и там, в стороне от чужих глаз, долго, очень долго обнимал, боясь выпустить из рук. Ему казалось, что мир после этого попросту развалится на кусочки.

Но корабль все равно отчалил.

Шут стоял на берегу, пока силуэт крутобокого судна не исчез окончательно, растворившись в синей облачной дали. До последнего удерживал взглядом этот парусник, которому было доверено самое драгоценное.

А потом пошел в портовую таверну да и набрался там дешевым, убийственным, как чугунная гиря, ромом. Легче от этого не стало. По правде сказать, только хуже. И валяться бы Шуту посреди придорожной канавы, марая свою честь и прекрасный новый костюм в помоях и талой грязи... вот только король, как выяснилось, достаточно хорошо знал повадки своего друга. Едва лишь тот исчез с причала, Руальд без лишней огласки отправил одного из гвар-

дейцев вослед новоиспеченному графу. К тому моменту, когда Шут попытался вывалиться за порог таверны, его спокойно поджидал уютный экипаж из дворцовой каретни. И расторопный гвардеец, все это время сидевший за столиком в том же заведении. Надо отдать ему должное: парень успел поймать Шута прежде, чем тот приложился лбом о дверной косяк. Позора избежать удалось. А вот последствий такого лечения от тоски – не очень-то...

Шут проснулся, когда за окном еще царила непроглядная темень. Было ему так худо – хоть кричи, но первым делом, как обычно, он пожелал убедиться, что любимая рядом... и, не найдя ее, сразу же все вспомнил. Все понял. Даже то, что кровать эта – не в загородном доме, а в той самой комнате, где он провел больше пяти лет.

Во дворце.

И не удержался... Тихо завыл, стиснув подушку.

Он не представлял себе жизни без Элеи. Без ее нежного смеха, разбросанных по дому катушек с нитками, без ее тепла. Он привык просыпаться рядом с ней, вдыхать запах ее волос, ощущать нежное тепло кожи... И если не видел любимую слишком долго, то начинал испытывать ничем не объяснимую глухую тревогу. Даже один день без Элеи был бесконечным.

Шут слез с кровати, обнаружив себя раздетым до исподней рубахи, и прикинул, хватит ли у него сил доползти до большой уборной в конце коридора. Или же стоит воспользоваться ночной вазой... Второй вариант был проще, но Шуту не особенно хотелось остаток ночи наслаждаться такими ароматами. Сунув ноги в сапоги, он мужественно направился к выходу. Тошнота подступала к горлу на каждом шагу, однако по сравнению с горечью разлуки она была лишь мелкой неприятностью, от которой хотелось избавиться поскорей.

На обратном пути в опочивальню Шут уже почти перестал жалеть себя и тихо ненавидеть весь мир: он замерз и хотел только одного – поскорее забраться в теплую постель.

И очень удивился, заметив, что дверь в его комнату плотно закрыта. Уж пьяный ли, хмельной, но он очень хорошо помнил, как оставил ее нараспашку.

По крайней мере, ему так казалось...

Шут приблизился к двери очень тихо. И остановился, кусая губы. Это могло быть простой случайностью, мало ли... проходил мимо слуга какого-нибудь скрипача Наэта, такой же старый и ворчливый, как сам музыкант... Проходил и между делом притворил распахнутую створку. Или же сам господин Патрик попутался. Провалы в памяти после портового рома – это еще не самое тяжелое последствие.

Шут покачался немного с носков на пятки, поглядел пару минут на дверь и, аккуратно развернувшись, отправился в кабинет к Руальду.

Просто так. На всякий случай.

Утром дворец напоминал растревоженный муравейник. Шутка ли – покушение на короля! Только сам Руальд, несмотря на легкую бледность, оставался удивительно спокойным.

Мало кто знал, что спасла его случайность.

Услышав странную возню в своем кабинете, Его Величество неслышно выскользнул из кровати и, подхватив фамильный меч, почти даже с радостью метнулся в комнату, где неведомый враг так нагло запинался о разбросанные по ковру бутылки. Наконец-то у короля появился шанс лично поквитаться с мерзавцами!

Но посреди кабинета, озаренного бледным светом луны, он нашел только своего друга, который огорченно потирал ушибленный локоть. В одной ночной рубахе новоиспеченный граф сидел рядом с теми самыми бутылками, которые остались после долгого вчерашнего вечера, проведенного королем в одиноких тягостных раздумьях.

– Руальд, ну у тебя тут и бардак, – недовольно сказал Шут, а потом заметил длинный острый клинок в руке короля. – Э-э-э! Ты чего это?!

– Пат! Твою налево! – Руальд гневно сжал челюсти и бросил меч на стоявший рядом комод. – Дурак безмозглый!

Шут очень хорошо понял, что мгновение назад едва не отправился в долгое путешествие к праотцам. Он запоздало испугался, но ответить ничего не успел.

В королевской опочивальне раздался страшный грохот.

Руальд вздрогнул и снова хотел схватить свой меч, но Шут остановил его, чуть тронув руку короля.

– Не надо, Альда, – сказал он негромко, – там нет ни души.

– Откуда ты знаешь? – король не отводил взгляда от двери в спальню.

– Чувствую.

Шут обошел друга и заглянул в темную комнату сам. Ничего не увидев, он вернулся к камину, чтобы отыскать тлеющие угли и запалить свечу. И когда снова подошел к порогу опочивальни с трепещущим на сквозняке огнем, волосы у него встали дыбом.

Большая королевская кровать была до самого основания проломлена огромной каменной плитой, которая словно бы просто выпала из потолка. Она лежала, придавив простыни, вся в крошече штукатурки, а в потолке над ложем монарха зияла черная дыра, ведущая, надо полагать, прямо к чердачным помещениям. Пахло сыростью, пылью и мышиным пометом.

– Неплохо... – промолвил Руальд.

А потом завертелось.

Кто только не наведалься за это утро в святая святых дворца: опочивальня напоминала комнату для публичных собраний. Вроде той залы в Дор-Виаре, по которой прошелся ураган... Дени, конечно, старался не терять самообладания, однако по всему было видно, что капитан потрясен событиями этой ночи. Шута он расспрашивал отдельно и дольше всех, а потом так же долго изучал его комнату, но так ничего и не нашел. А сам Шут даже не сумел внятно объяснить, за каким демоном ему понадобилось идти досыпать именно к королю.

«Это самый глупый способ убийства из всех, что только можно вообразить», – недоумевал капитан.

«И самый непонятный», – думал про себя Шут.

Он даже отдаленно не представлял, какие механизмы нужно использовать, чтобы выломать камень из потолка. Зачем вкладывать такие усилия, если можно все сделать гораздо проще, по старинке... Яд, там, в вино или шальная стрела во время охоты. Руальд, вопреки уговорам Дени, никак не желал усилить меры безопасности во дворце сверх того, что уже было сделано. О личном дегустаторе даже слышать не хотел, ему это казалось унижительным. В конце концов капитан гвардейцев сам нанял такого человека, так что пища на монарший стол попадала только проверенная. Шут знал об этом, сам король наверняка догадывался, но ввязываться в очередной спор с Дени ему не слишком хотелось. Других забот хватало выше головы.

Были среди тех забот и торговцы людьми, одно существование которых ставило под угрозу и репутацию Руальда, и уверенность людей Закатного Края в завтрашнем дне. Но пока король вместе с начальниками городской стражи выстраивал планы уничтожения работорговли, Шуту не давали покоя мысли о странном покушении. Он все думал и думал, как такое могло произойти. Сыскари облазили всю крышу – не нашли ничего, что говорило бы о присутствии там преступников. Вековая пыль лежала всюду, а плита словно выпала сама... как кусок марципана из торта.

Шут, даром что много лет изображал скудоумного, на самом деле дураком все же не был. Он сразу заподозрил, откуда гнильцой пахнет. Да и капитан очень уж недвусмысленно намекнул: мол, господин Патрик, может, у вас какая идея сыщется. И посмотрел на Шута этак странно... словно бы припоминая диковинную бурю в Таронском ущелье. Ну разумеется. Дени

только вид делал, будто ничего не понимает про скрытые таланты бывшего дурачка. Поэтому, в отличие от сыскарей, Шут искал вовсе не обычные следы... Хотя и отдаленно не представлял, как может выглядеть причина едва не случившейся беды.

А когда нашел, в общем-то даже не удивился.

И узнал этот почерк сразу.

Колдовство было простым и наверняка именно поэтому очень действенным.

Исполнителю не понадобилось проникать в покои короля – за него все сделали горничные, которые, надо полагать, ни о чем и не подозревали. Хотя... как бы тщательно сам Дени ни выбирал людей для личной obsługi короля, а все равно они лишь люди. Люди, которых можно купить, запугать, обмануть.

Шут вытащил колдунскую пакость из камина – большую черную иглу. Она была совсем обычная с виду, лежала глубоко в слое золы. Руальдовы враги наверняка воткнули ее в полено. А потом, когда дерево прогорело, игла выпала, никем не замеченная и совсем не похожая на орудие покушения.

Только на следующий день, когда официальные поиски в опочивальне были окончены, Шут незаметно просочился в опустевшую комнату и стал искать. Он почувствовал колдовство не сразу, но, когда сосредоточился хорошенько, дуновение опасности оказалось для него столь же явным, как запах падали для охотничьего пса. Шут опустился на пол и вытянул руку, развернув ладонью вперед. А потом закрыл глаза и двинулся ощупью в сторону чужеродной Силы. Наверное, забавно выглядел в этот миг со стороны... Однако когда пальцы нащупали железное острие, Шуту вовсе не было смешно. Он испуганно отдернул руку, точно обжегся: от крошечного кусочка железа веяло такой ненавистью и болью, словно среди золы лежал огромный меч, вкусивший немало крови на своем веку.

«Как это странно, – в который уже раз подумал Шут. – Если убийца хотел добраться до Руальда с помощью колдовства, то он не мог не предвидеть, что во дворце найдется по крайней мере один человек, способный понять истинную причину разрушения вековой каменной кладки».

Может быть, они только того и ждали? Чтобы Шут полез во все эти грязные дела, начал доискиваться, кто автор «подарочка»? Или все было проще? Враги полагали, будто колдовство сработает сразу, а король скоростижно скончается при непредвиденных обстоятельствах? Магия, сокрытая в игле, выглядела так, словно к гибели Руальда могло привести любое нелепеешее происшествие. Она, эта магия, не выбирала способа, лишь создавала причины для смерти.

«Похоже, Руальду повезло с хранителями, – подумал Шут, поднимаясь с колен и отряхивая пыль. – Или я обладаю каким-то особенным даром отводить от него опасность...» Ему очень хорошо запомнились слова людей в масках. Слова о том, что он – неизменная помеха всем их планам. А какова суть тех планов, сомневаться не приходилось.

Он много думал над этой странностью. Над тем, кому и чем мог помешать обычный придворный дурак. Ведь не было у него ни талантов к интригам, ни выгодных связей, ни жадности до денег и славы... По сути, он вообще не делал ничего особенного! Просто жил. А значит, мешал одним лишь своим существованием, складом ума. Да еще, возможно, внезапно пробудившимся даром владеть Силой.

Предвидеть чужие заговоры... Или даже предчувствовать.

В спальне задерживаться Шут не стал. Отыскав небольшую деревянную коробочку из-под табака, каминными щипцами уложил в нее иглу и поспешил к себе.

После отъезда Элеи он решил больше не возвращаться в уютный загородный дом, а как и прежде, стал жить во дворце. Тем более что теперь старая комната уже не казалась такой неуютной... Получив от Руальда бумагу с титулом, Шут даже позволил дополнить скудный интерьер своей опочивальни разными обязательными для дворянина признаками нового ста-

туса. И едва не вспылал, когда король мимоходом предложил снять с потолка перекладину... «Не покушайся на святое», – сказал он Руальду вроде бы в шутку, но на самом деле более чем серьезно. Теперь в комнате, вместо старого и треснутого, стоял новый красивый стол, одинаково удобный и для трапез, и для работы, если таковая вдруг образуется. Шут сел за него, поставив перед собой табакерку и подперев кулаками подбородок, долго разглядывал закопченную до черноты иглу.

«И что же мне с тобой теперь делать-то?..» – с тоской думал он, ощупывая взглядом смертоносное железо и особенно остро сознавая в этот момент свою неопытность. Ни Кайзы, ни Ваэлы не было рядом, чтобы спросить у них совета. А сам Шут смотрел на иглу как на ядовитое жало, которое запросто могло дернуться и нанести смертельный удар. В одном только он был уверен точно: чем дальше эта гадость окажется от Руальда и комнаты, где спит король, тем лучше. Возможно, такая магия работает лишь рядом с выбранной для нее изначально жертвой.

«Может, забросить в море? Или отдать кузнецу, чтобы перековал? Или закопать поглубже?» – ни один из вариантов не показался ему правильным.

Тогда Шут вздохнул и сделал то единственное, что могло дать верный ответ. Протянул ладонь над иглой и распахнул себя в другое видение. Он очень надеялся не пасть жертвой колдовства в тот же миг...

«Я ведь не ломаю заклятье, – убеждал он себя, – я только погляжу... только погляжу... осторожно... Эта ловушка была не для меня... нет...»

Вдоль виска скользнула капля пота. Чужая магия казалась неуловимой, как рябь на воде, как пыль, что кружит в холодном лунном свете. Шут никак не мог разглядеть эти чары. Зато чувствовал себя так, будто еще миг – и невидимое жало в самом деле вонзится под кожу и станет последним событием в жизни неумного господина Патрика, который никак не перестанет быть затычкой к каждому бочонку с отравой, приготовленной для Руальда. В конце концов благоразумие все-таки победило, и Шут, отчаявшись найти разгадку, вернулся. Перед глазами у него все плыло, рука, простертая над коробкой, дрожала, как у припадочного.

– Вот же д-демоны... – пробормотал он, устало роняя ладонь на стол. – Ладно... Что-нибудь придумаю.

Он припрятал коробку и уже хотел пойти поискать Руальда, как вдруг в голову ему пришла неожиданно интересная мысль.

Кто разбирается в иголках лучше, чем портнихи? Кто может дать совет лучше, чем швея, которая умеет *видеть*?..

Шут застал мадам Сирень за строгим нравоучением, которое предназначалось ее юной подопечной. Молодая женщина стояла с поникшим видом и теребила в руках недошитую рубаху. Она, наверное, очень обрадовалась, когда сердитая Госпожа Иголка устремила все свое внимание на гостя.

– Пат! – мадам Сирень тут же схватила его за рукав и увлекла к окну – рассмотреть, хорошо ли сидит на нем костюм. Она всегда так делала. – Ты с чем пожаловал? – спросила швея после минутного изучения.

– Не здесь, – улыбнулся Шут. – Давайте выйдем в сад.

– О! – портниха лукаво рассмеялась. – Господин Патрик, да вы никак решили поухаживать за старой дамой? Давненько никто не приглашал меня на прогулки!

Так со смехом и шутками они спустились в сад. Погода стояла чудесная – в самом деле для неспешных прогулок по аллеям. Ажурные тени ветвей сплетали на каменных тропинках затейливые узоры. И в другой раз Шут наверняка бы стал выдумывать, на что они походят.

Но не теперь.

– Скажите, – обратился он к мадам Сирень, – вы когда-нибудь слышали про колдовство с иглами?

Портниха удивилась. Очень удивилась. Она смерила Шута пристальным взглядом, словно решила, будто это он сам надумал обучиться таким фокусам. Пришлось все-таки рассказать, в чем дело. Но когда Шут закончил, мадам Сирень только печально вздохнула. Да, она слыхала про эту недобрую магию, но очень давно... и совсем не знала, как отвести беду.

Шут расстроился. Конечно, он не надеялся особо, что его идея увенчается успехом, но все же... Проглотив разочарование, он привычно сделал вид, будто все хорошо, искренне поблагодарил свою собеседницу и даже проводил ее обратно в мастерскую. А сам по старой памяти решил заглянуть на кухню, где всегда находил утешение после любых неудач, будь то упавшая булава или грубые насмешки Тодрика.

«Пообедаю, – решил Шут, легко сбегая по ступенькам парадной лестницы, – а потом найду Руальда, все ему расскажу. Может, вместе чего придумаем!»

С утра они еще не встречались. У короля, судя по всему, опять возникли срочные дела государственной важности – выслушивать очередные прошения или жалобы в тронном зале. Сердитые голоса с той стороны дворца разносились по всем анфиладам.

«Небось, рядится с каким-нибудь начальником купеческой гильдии. Или молодые бароны опять земли поделить не могут...»

Покушения там или нет, а государственные дела никогда не ждали. Но Шуту такие собрания вовсе не казались интересными, в отличие от запаха свиных шкварок.

Поварихи Шутова прихода не заметили – они были увлечены своей местной драмой. Одна из девочек-помощниц сидела возле большого стола, заваленного овощами с зеленью, и, громко рыдая, баюкала перевязанную наскоро руку. Шут даже издали почувствовал, что это ожог. Не слишком сильный, но ужасно болезненный, а главное – исключаящий всякую работу на ближайшие несколько недель.

Очень хотелось помочь. Ведь там и дел-то... на пять минут. Но нельзя... Нельзя!

От досады Шут стиснул зубы. Он почти ненавидел себя в этот момент.

Кухарки шумели, одна другой горластее: неловкую дуреху им было жаль, но на долгие утешения никто времени не имел. Судя по всему, во дворец нагрянул какой-нибудь граф со свитой не меньше двух десятков ртов: огонь развели сразу под пятью большими котлами, деревянных столов не видно было под горами снеди.

«И кого это к нам принесло?» – подивился Шут. Бросив печальный взгляд на зареванную девчущку, он вздохнул и, так же незаметно, как появился, вышел прочь.

Бывают такие дни, когда и кухня не радуется.

Впрочем, Шута в последнее время вообще мало что радовало. Без Элеи он чувствовал себя так, словно лишился важной части тела. Или души. Он нигде не находил себе покоя, часто просыпался по ночам, а если спал, то снова видел бесконечные сны-лабиринты о чужих жизнях.

Пару раз, когда становилось особенно тревожно, Шут делал странную, с точки зрения обычных людей, вещь – уходил к старому кладбищу при дворцовом храме. Место это больше походило на парк, чем на обитель скорби. Шут медленно бродил меж высоких дубов, ясеней и кленов, смотрел на старые надгробия, думая о скоротечности жизни. А потом неизменно оставался у небольшого камня над совсем еще свежим холмом. Земля в этом месте не успела порости травой, и прошлогодние листья не путались в ее сухих стеблях, как повсюду вокруг. Шут садился рядом, доставал свою маленькую флейту и начинал играть. Долго-долго... Тонкая свирель тосковала о прежних днях, о кострах в степи, о вечерних байках дергитского шамана, о смелом мальчишке, который жил так мало и умер так славно... Иногда Шуту казалось, что кто-то наблюдает за ним в стороне, но он не взялся бы сказать наверняка – человек это, дух или просто ветер среди голых еще ветвей ясеня.

Вот и теперь ноги сами занесли Шута на кладбище. Он привычно сел у высокого дерева, отыскал за пазухой флейту и... отпустил гнетущие мысли вместе с музыкой. Закрыв глаза, распахнув сердце, бережно вплетал мелодию в шелест ветра, что играл среди сухой травы.

...И сам не заметил, как солнце миновало полуденную черту, а тень от ясеня сместилась на несколько шагов в сторону, открыв его лицо яркому свету. Этот-то свет и вернул Шута в привычный мир. Он с хрустом потянулся и уже хотел вставать, когда полуденную тишину вдруг сотряс тревожным боем главный храмовый колокол. Этот гул разнесся над всей Золотой Гаванью, заставляя детей вздрагивать, а матерей испуганно оглядываться в поисках неведомой пока еще угрозы.

«Что же это такое?! – думал Шут, торопливо убирая флейту и вскакивая с земли. – Ни дня без неприятностей!»

Взволнованный, он поспешил к храмовой площади, а когда добрался до места, там уже развернуться было негде из-за столпившихся людей. Башня глашатая, однако, еще пустовала.

«Ждут, когда побольше народу соберется, – понял Шут. – Значит, что-то очень важное сказать хотят».

Конечно... главный колокол – это вам не праздничный трезвон в честь весенней ярмарки...

Оказаться в самой давке Шут хотел меньше всего. Чуть обогнув площадь, он легко взобрался на высокий постамент у храмовой стены. Некогда эта каменная колонна, поросшая мхом, наверняка служила опорой для статуи, но время стерло следы давних героев. В детстве Шут и не задумывался о том, чей облик украшал постамент. Он просто любил оседлать колонну во время многолюдных праздников: ему нравилось смотреть с высоты на происходящее вокруг.

На сей раз веселья ждать не приходилось.

Когда площадь уже перестала вмещать горожан, на башню поднялся первосвященник. В этот миг очень многие поняли: беда действительно стоит у самого порога.

– Дети мои!.. – голос первосвященника разносился так далеко, что, казалось, его могут услышать и на окраине города. – Люди Закатного Края! Вас ждет печальная весть, но вы должны встретить ее мужественно! Не пуская в сердце страх и сомнение! Добрые времена кончились... Мы долго жили в покое и счастья, но теперь пришла пора достать мечи прадедов и встать на дороге у тех, кто пожелал зла нашей стране!

«Ну все, – с тоской понял Шут, – война».

И не один он понял. Слово это шелестом облетело всю площадь. А потом прозвучало и из уст первосвященника. Но слушать его дальше, оставаясь среди растерянных ошарашенных горожан, смысла не было. Шут спрыгнул с постамента и направился во дворец.

9

– Почему ты мне не сказал?! – с порога выдохнул он, едва увидев Руальда. Король сидел в кабинете один и никого не принимал. Лицо его было таким, что лучше бы отойти потихонечку и не попадаться на глаза, но Шута это не остановило. – Ну, рассказывай же, что случилось?!

Руальд оторвался от карты Срединных Королевств, на которую смотрел так, словно хотел прожечь взглядом. Молча взял со стола какой-то свиток и двинул в сторону Шута. Тот не стал дожидаться приглашения – расправил бумагу и скользнул взглядом по витым строчкам красивого почерка.

– Похоже, Шаниэр все-таки помутился умом, – негромко сказал он, поняв, о чем идет речь в документе. Руальд кивнул и принялся набивать табаком свою трубку, ставшую уже неизменной. – Но ведь Гремучее Ущелье им все равно не взять! Это знают даже дети... К чему махать кулаками и выдвигать бессмысленные угрозы?

Однако, громко восклицая, Шут с неизбежностью понимал, что подобная дерзость соседнего королевства наверняка имеет под собой основание. Руальд вздохнул.

– Они и не пойдут через ущелье, Пат. Ферриты заключили договор с Тайкурданом...

– Ох... – Шут сел, изумленный, на первый же стул, что случился рядом. – Разве так возможно?

– А почему нет? Отец Нар – человек простой, но неглупый. Феррестрийцы обещались хорошо ему отплатить за ценную услугу. А где это видано, чтобы таргал отказался от золота? Я ему – никто, если не сказать хуже.

– Н-но... как же... А Фарр?!

– А что Фарр? – Руальд мрачно смотрел на трубку в своих руках. – Фарр для него значит меньше, чем жеребенок от породистой кобылы. Разве ты забыл, каковы законы в Диких Землях? Этот мальчик не был рожден по священным законам Тайкурдана, а мать его навлекла позор на свой род. Я думаю... думаю, таргалу Хадо будет даже проще, если его нечистый внук сгинет.

Шут вздрогнул при этих словах. Да, все-таки нравы в Диких Землях порой были такими, что у любого нормального человека волосы дыбом встанут.

– И все же, – Шут запретил себе думать про ребенка и вернулся к главному, – отчего ты мне не говорил? Ни слова... Ведь знал, что близится война.

– Знал, – хмыкнул Руальд. – Так ведь и тебе это было известно. И любой кухарке... – Он устало потер висок и добавил тише: – Посол из Феррестре прибыл среди ночи. Мы собрали совет еще до рассвета, а закончили лишь пару часов назад.

– Вот как... – Шут почувствовал себя дураком. Не пройди он тогда мимо тронного зала – давно бы уже все знал. – Значит, этот ультиматум тебе посол феррестрийский передал...

– Ну да, – Руальд кивнул и поднялся из кресла. – И, как видишь, Шан оставил нам не очень много времени для раздумий.

Шут видел. Дата была означена в конце документа. До этого дня послу Феррестре надлежало покинуть Закатный Край с подписанной капитуляцией, а гонцам – донести весть о важном событии до ушей короля Шаниэра.

– Что вы решили, Руальд? – тихо спросил Шут.

– Разве ты еще не понял, дружище? – король невесело усмехнулся. – Готовим оружие к бою.

Шут немного помолчал, пытаясь осознать размах приключившейся беды.

– И неужели никто не напомнит Шану, что это нарушит Соглашение о мире? – спросил он, пытаясь ухватиться за тонкую ниточку надежды. – Другие королевства?

– Я не могу надеяться на это, – промолвил Руальд.

– Но... почему?

– У всех свои интересы, Пат. Долго объяснять. Ты ступай, наверное... Мне надо побыть одному. – Король снова взялся набивать трубку, отрешенно глядя куда-то мимо Шута. Тот все понял и молча поднялся со стула. В таком настроении Руальда и в самом деле не стоило лишней раз трогать.

Он спустился к себе в комнату и, обхватив голову руками, сел на новый узорчатый ковер, постеленный прямо под перекладной.

– Как же так?.. – тихо спрашивал Шут в пустоту. Сердце стучало неровными толчками. Он коротко сглотнул и окончательно осознал, что боится. Боится, словно трусливый щенок... Хуже мальчика-служки из храма, который визжит при виде крыс.

– Нет... – бормотал он, – не хочу... не хочу! – А сам уже почти видел, как снова горят дома, как маршируют темные колонны, щетинясь оружием, как корчатся на земле раненые – и воины обеих армий, и простые люди, которые встанут на защиту своих домов. – Нет!

Взгляд его невольно метнулся к тайнику под кроватью, где была спрятана игла-убийца. Шут не мог сказать наверняка, имеет данное колдовство какое-либо отношение к ультиматуму короля Шаниэра или нет, но вполне допускал это. Очень уж странно совпали два события...

«Уничтожить. Я должен уничтожить ее...»

Он нервно зашагал по комнате, хмурясь и кусая губы. Снова пытаться проникать в чужое колдовство Шут не хотел до дрожи. Нутром чуял – нельзя. Так нельзя, что рука сама собой отдергивается.

– Значит, пришло время просить о помощи, – решил он.

Шут запер дверь, вытащил коробку с иглой и, усевшись на пол, поставил ее перед собой. Несколько минут смотрел на смертоносный «подарочек», а потом осторожно взял табакерку в руки. Конечно, верней было бы прикоснуться к самой игле, но Шут понимал, как это опасно.

Переход в другой мир уже не представлялся ему очень сложным, но вот дозваться, докричаться оттуда до Кайзы... Шут потерял счет времени, пытаясь почувствовать друга. Он искал и искал его в радужной мозаике сплетений Силы, в лабиринтах иного пространства, искал, пока не понял, что забывает дорогу назад.

Что еще немного – и вот оно, Запределье.

Вернувшись, Шут обнаружил себя упавшим на пол. И коробку он выронил... К счастью, та не открылась. Зато у самого Шута над виском пульсировала болью весьма ощутимая шишка. Рубаха прилипла к потному телу, которое, оказывается, совсем занемело.

Шут медленно поднялся, тяжело оперевшись одной рукой в пол, а другой пытаясь дотянуться до табакерки. Но деревянная коробка, отполированная мастером, выскользнула из пальцев, и Шут лишь в отчаянии стукнул кулаком по цветастому ковру.

Он не имел права проиграть. Не в этой битве. Не самому себе.

«Все равно дозовусь, – сказал себе Шут. – Чего бы ни стоило. В конце концов, есть же еще матушка Ваэля. Она не Кайза, так прятаться не будет. Я дозовусь... Я смогу!»

В дверь постучали.

Постучали так громко, что Шут сразу вспомнил, как за ним приходили, чтобы отвести на допрос после поддельной гибели Тодрика. Он даже поморщился – настолько ярко вспыхнуло это воспоминание. А потом поспешил подняться и спрятать табакерку с непонятной, неразгаданной ловушкой для короля. Только не в тайник, а за пазуху, словно бы и в самом деле готовился снова попасть в непредсказуемые неприятности.

На пороге, однако, стоял всего лишь слуга. Обычный слуга в темно-синей ливрее с королевским гербом, вышитым на груди белой нитью. Он коротко, но учтиво поклонился, явив седеющую макушку, и доложил:

– Ваша милость, король желает видеть вас.

Шут опять незаметно сглотнул. Сердце все еще стучало где-то в районе горла.

– Срочно?

– Не имею чести знать. Мне не доложили. – Слуга убрал руки за спину, выпрямленную, как на параде, и смотрел вопросительно.

– Скажите, буду вскоре. – Шут едва заметно улыбнулся и кивнул в сторону уборной: – Вот только нанесу сперва еще один важный визит. – На самом деле он просто не хотел идти к королю со злополучной иглой.

Лакей понимающе улыбнулся и не удержался спросить:

– Так и передавать Его Величеству?

– Ну что вы, друг мой! – ухмыльнулся Шут. – Ведь рядом могут быть и дамы.

В кабинете у Руальда пахло табаком и жареной курицей. С того дня, как потолок его опочивальни едва не превратился в надгробный камень, король в эту комнату больше не заходил. Подобно Давиану, он теперь предпочел спать там же, где работал. А потом решил, что и обедать можно, не выходя из кабинета.

И ужинать.

Курица стояла на столике возле камина. Она была зажарена целиком и украшена овощами. Шут не заставил просить себя дважды: на приглашение короля присоединиться к трапезе охотно кивнул и, не чинясь, отломил сочный кусок вместе с крылом.

– Есть новости? – спросил он, когда первый голод был утолен.

– Да как сказать... – Руальд глотнул вина и задумчиво покрутил кубок за ножку. – Пока все движется по плану: добровольная армия растет с каждым часом. Обязательное рекрутирование начнется с завтрашнего дня, а те, кто записался сегодня, будут на особом счету у командиров. Гильдии кузнецов и оружейников уже получили все указания. Посол Феррестре отбыл восвояси с подарочком для своего короля. А завтра с утра мы с Гиро начнем обсуждать стратегию обороны. – Король шумно зевнул и брякнул кубок обратно на стол. – Надо бы сегодня, но голова у меня... как тот колокол. Гудит... – Он утер глаза и внимательно посмотрел на Шута: – А ты? Нашел, что искал?

Шут кивнул. Не вдаваясь в подробности, он рассказал и о находке, и о попытках разобрататься с ней. Руальд слушал внимательно, но бессонная ночь уже давала о себе знать. Шут видел, что король не воспринимает его рассказ с нужной долей серьезности.

«Ничего, – подумал он, – так даже лучше. Не будет паниковать и пугаться. Нам это лишнее сейчас».

Самого Шута беспокойство держало цепко, тревога билась в висках, не переставая. Но он был достаточно хорошим артистом, чтобы не показывать этого.

– Кстати, Пат, – усмехнулся вдруг Руальд, – это не твоих ли рук дело?

Он вытащил откуда-то из-под груды бумаг длинный свиток нежно-розового цвета. Бумага была сплошь исписана и благоухала, как цветочная клумба. Шут приподнял бровь и взял свиток.

Ах да... конечно. Он уже и забыл. Милостивое прошение о сохранении фрейлин в их нынешнем статусе.

– Ну, я так и знал, что твоих, – Руальд неодобрительно покачал головой, но в глазах его прыгали смешинки. – Что ты наговорил дамам?

– Да так... – ответил Шут, тоже улыбаясь. – Пошутил немного.

Весь оставшийся вечер он тоже шутил и балагурил, не давая Руальду отвлекаться на мысли о войне. Война начнется для него завтра, вместе с долгими расчетами стратегий, спорами командующих, первыми отчетами кузнецов и оружейников. А в этот последний мирный день пусть Его Величество смеется и обзывает своего нового графа выдумщиком.

Пусть.

10

Ночью неожиданно пошел снег. Шут проснулся оттого, что ветер зло швырял белые хлопья о витую решетку окна. Вернее, разбудил его холод, который пришел с этим ветром и снегом.

Вот вам и весна.

Шут плотнее завернулся в теплое меховое одеяло. У него было очень твердое намерение спать дальше, но мысли уже закрутились, запрыгали в голове, разгоняя остатки дремы. Он лежал, глядя на темный балдахин, и думал о маленьком корабле в океане. О том, что Элея там совсем одна, некому согреть ее холодной ночью. О живом комочке, который растет у нее под сердцем. И о другом мальчике, чьи покои бессменно охраняют гвардейцы Дени. Он думал о Руальде, о грядущей войне, о черной игле в коробке из-под табака. О том, что обязан сломать чужое колдовство...

«А почему нет? – толкнулась в голове внезапная мысль. – Почему не сейчас? Ведь Ваэля не раз говорила, будто ночью все мысли четче, желания ясней и магия доступней».

Боясь провалиться в сон, Шут выбрался из постели вместе с одеялом и сел на ковер, скрестив ноги.

«Матушка Ваэля, помоги!»

В самом деле, ведь сколько раз она говорила: будет худо – зови.

«Помоги, пожалуйста!»

Сначала ему показалось, будто в комнате стало теплей, а потом просто пришло удивительное, давно забытое чувство защищенности. Шут словно плыл в нежном сиянии, уютном, как материнские объятия. Парил в этой радости, пока не осознал, что темная комната исчезла: вместо нее была уже другая, озаренная множеством свечей, блики которых отражались в цветных витражах.

«Мальчик мой! – наставница шагнула ему навстречу, и Шут удивился тому, как мало общего имело это видение с теми, что случались прежде. Он словно наяву почувствовал объятия ведуньи, он слышал треск огня в ее камине, видел каждую деталь знакомого интерьера – от серебряного кубка на столе до узоров на досках пола. – Я так тебя ждала... так ждала! Ну отчего же ты не приходил?»

Шуту стало стыдно. Он как-то и в голову не брал, что можно просто так взять и встретиться за пределами обычной реальности. Что это бывает так легко. И не нужно долго ломиться в закрытые двери чужого разума.

«Простите... – ответил еле слышно – не то произнес вслух, не то просто подумал. – Я... я...»

«Хватит, – прервала его Ваэля. – Выкладывай, что случилось! И... как Элея, Пат?»

Шут не удержал улыбки.

«Она... в порядке. У нас будет сын...»

«Сын?!» – Ваэля накрыла губы ладонью и коротко зажмурилась, но слезы все равно скользнули из-под ресниц. Наставница не стала их утирать, она глядела на Шута, не скрывая счастья в глазах.

«Ну, может быть, и дочь, – Шут пожал плечами. – Но к осени у Давиана точно появится еще один наследник».

«А что же случилось у тебя, милый мой? Ты звал так отчаянно!»

Шут помрачнел. Радости радостями, а звал он и в самом деле не от хорошей жизни.

Про иглу рассказал коротко, только самое главное. И очень огорчился, поняв, что забыл взять табакерку в руки. Это наверняка помогло бы наставнице разгадать суть ловушки. Ваэля, однако, почти сразу понимающе закивала.

«Я знаю, для чего это, Пат. Почти уверена, что знаю».

Шут схватил ведунью за ладонь, стиснул изо всех сил.

«Скажите же! Скажите, пока я еще здесь! – Он знал, как мало нужно порой, чтобы вывалиться обратно в тот мир, где осталась холодная снежная ночь и пустая комната. – Скажите, как мне избавиться от этой дряни!»

«Ах, Пат, ты прав! Это и в самом деле очень дрянная магия. Старая, надежная и... такая, которой ни один порядочный человек не будет пользоваться без нужды. Как благородный рыцарь не замазает рук убийством с помощью крестьянского топора. Ты не сможешь отвести заклятье, но оно разрушится само, если сломать иглу».

«Просто сломать? – Шуту не верилось, что злая магия может быть уничтожена так легко. – Сломать – и все?!»

«Ну конечно, мальчик мой, – Ваэля накрыла его дрожащую от волнения руку второй своей ладонью. – Разрубить топором или согнуть, пока не переломится. Только не поранься, прошу тебя. Не то зацепишь на себя остатки чар».

Шут обрадовался. И очень захотел поскорей вернуться назад, чтобы разделаться с колдовским «подкидышем». Он так явно ощущал, как утекают драгоценные минуты. Быть может, те самые, которых хватит для предотвращения войны...

Но любопытство оказалось сильнее тревоги.

«Матушка, а как работает эта магия? Что она делает?»

«Наводит несчастья, ты ведь и сам это понял».

«И неважно, где находится игла? Тогда зачем ее подкинули Руальду?»

«Важно. Важно в самом начале. Потом уже чары... прилепляются к тому, на кого их направили».

«А война? Это тоже из-за колдовства?» – ему так хотелось верить, что беду можно отвести.

«Может быть, Патрик. Я не могу сказать тебе наверняка. Порой горести сами находят нас, им не нужны для этого намерения других людей. – Она помолчала немного, глядя на Шута с тревогой и любовью. – Будь осторожен, мальчик мой. Прошу тебя. Слушай себя, свое сердце, свой внутренний голос. Он у тебя чуткий. И приходи сюда чаще. В любой день я жду тебя...»

Шут кивнул. Задумался на миг. По его подсчетам уже со вот-вот Элея должна будет ступить на родную землю. И Ваэля, и Давиан давно знали о ее возвращении благодаря птицам-вестникам.

«Матушка... скажите ей, что я рядом. Всегда рядом».

Ваэля не стала уточнять, о ком речь. Только улыбнулась и еще раз крепко обняла на прощанье.

Вернувшись, Шут подумал, что ему все-таки давно пора бы точно так же явиться в сон к своей любимой. И самому сказать ей, как скучает и любит. И желает лишь одного – снова быть вместе.

Вот только он знал, что это будет гораздо сложнее.

Снохождения по-прежнему были для него весьма трудны, они забирали слишком много сил. И редко удавались. Но гораздо хуже было то, что Шут боялся выдать Элее, как плохо ему тут без нее. Как одиноко, тревожно и опасно.

И все же оставлять ее одну он тоже больше не мог.

«Завтра ночью! – решил Шут. – Завтра я приду к тебе, звездочка моя... А теперь сделаю то, что должен!»

Медлить он не стал. На хозяйственном дворе отыскал топор и одним ударом превратил заколдованную иглу в два железных обломка. Ну, если быть точнее, попал только со второго раза, да только это уже не имело значения. Обломки Шут забросил в яму отхожего места при кухне, а после со спокойной душой отправился спать. Тем более что на улице успел порядком замерзнуть под мелким мокрым снегом, который почти превратился в дождь.

11

Когда наутро Шут рассказал Руальду о победе над злыми чарами, тот даже и не обрадовался особо. Словно не понимал, какой опасности ему удалось избежать. Король думал только о войне. Он так и сказал своему другу: мол, вести с границы намного важнее. Говорил о расположении войск, пальцем чертил на карте уверенные линии, пускался в долгие объяснения. Шут слушал внимательно, хотя почти ничего не понимал.

В комнату осторожно сунулся камердинер.

– Ваше Величество, – в поклоне произнес он, – вы просили наследника...

– Да! – воскликнул король. Глаза его вспыхнули неподдельной радостью. – Где он?

Спустя пару мгновений в кабинет вошла невысокая женщина с ребенком на руках. Наследник Руальды был одет в кружевной белый костюмчик, он пребывал в благодушном

настроении и с интересом глядел на все вокруг. Не ребенок, а небесный посланник, хоть сейчас картину пиши. Но Шут знал, что первое впечатление обманчиво. Его Высочество принц Фарр имел весьма непростой характер и в любой момент мог закатить такую великолепную истерику, от которой даже сам Руальд терял самообладание и спешно просил няню успокоить ребенка.

Но уж если мальчик не плакал, то неизменно вызывал всеобщее умиление. Вот и теперь король сразу посадил сына к себе на колени и принялся напевать ему нехитрые куплеты из баллады про глупого рыцаря. Шут поглядел с минуту на эту идиллию и тихо вышел из кабинета.

Он предпочитал не находиться лишний раз рядом с Фарром. И без того страх, что кто-нибудь раскроет обман, был слишком велик. В лабиринтах своих снов Шут слишком часто встречал Руальда – разгневанного, обиженного, недоуменного... Руальда, который в ярости крушил все вокруг и замахивался на Шута своими здоровенными кулаками, потому что кто-то уже рассказал ему. Предательство раскрылось, уничтожив все хорошее между королем и его старым другом. От этих снов Шут просыпался с колотящимся сердцем и долго потом вертелся, сбивая простыни, не мог унять внутренней дрожи. И хорошо, когда рядом была Элея... она не спрашивала ничего, просто обнимала крепче, прижималась к Шуту всем телом, спасая его от тревожных мыслей. А без нее стало совсем худо, хоть не засыпай. К счастью, Шут успел кое-чему научиться, пока рядом был Кайза. Например, заваривать такие травы, от которых сон приходит очень быстро. Да столь крепкий, что никакие видения не мучают вовсе. Отвар этот вреда не имел, и Шут привык готовить его почти каждый вечер. Если не забывал.

Но проблему с мальчишкой и его истинным происхождением травы решить не могли, и потому Шут как мог избегал общения с Фарром. На вопрос короля «Отчего?» врал, что не ладит с такими малыми дитяи. Отбрехивался виртуозно. Да Руальд и не настаивал, хотя сам считал этого мальчика лучшим на свете и обязательно улучал хоть немного времени, чтобы пообщаться с ним.

В один из дней, глядя на короля с принцем, Шут с удивлением увидел, что между младенцем и Руальдом протянулась тонкая ниточка связи. Она была очень зыбкой и непрочной, мало походила на те узы, которые соединяли Фарра и самого Шута, но все же... Все же эта нить была. И с каждым днем, пусть едва ощутимо, но она становилась прочней. После долгих раздумий Шут понял, что однажды Руальд по-настоящему заменит Фарру отца. Он сам станет для мальчишки единственным родным человеком. А Шуту всего-то и надо – отойти в сторону. И не рушить связь с принцем, нет! Просто по возможности совсем не принимать участия в его судьбе. Быть может, на эту странную магию уйдут годы, но однажды наступит день, когда никто не заподозрит, никто не увидит, что кровным отцом Фарра когда-то был некий граф Ветер...

Мысль эта поначалу весьма ободрила Шута, но потом он осознал, как много времени пройдет прежде, чем новые узы соткутся, а старые разрушатся. За это время любой наделенный даром человек сумеет разглядеть то, что должно оставаться в строжайшей тайне. Вот только поделаться ничем не мог... лишь чувствовал, как постоянный страх и жизнь во лжи постепенно разрушают что-то очень важное между ним самим и Руальдом. С каждым днем этот невидимый раскол становился шире. Король о нем не догадывался, но сам Шут места себе не находил. И иногда ловил себя на странном болезненном желании открыть Руальду правду. Сделать это прежде, чем успеет кто-то другой. Прежде, чем однажды король наяву потребует объяснений.

Все эти страхи были тем более небеспочвенны, что Шут помнил: во дворце наверняка есть еще хотя бы один человек, наделенный Силой. Тот, кто помогал Тодрику, кому было известно слишком много о происходящем в Чертоге.

А ведь Тодрик-то уж точно общался с этим человеком... Знал лично.

Несколько дней Шут набирался решимости поговорить с принцем. Он понимал, что тот не выкажет восторга при виде старого недруга и уж тем более не захочет помогать ему. Но

разве Их Высочеству обязательно знать настоящую причину вопроса? Вовсе нет. При желании Шут умел врать очень правдоподобно.

Оставив Руальда нянчиться с сыном, он вдруг понял, что время пришло: или идти сейчас, или уже никогда. Потому как дольше оттягивать разговор нельзя.

После допроса в кабинете у Дени Тодрика не стали возвращать в Лагон. Руальд проявил милость и велел оставить брата во дворце. Под стражей. В воспитательных целях он даже хотел поначалу запереть суеверного принца в его бывших покоях, где так страшно погиб тот неизвестный бедняк. Но потом передумал: это вызвало бы излишнее любопытство со стороны челяди и других обитателей дворца. Тодрика посадили под замок в подвалах Чертога – там, где располагались помещения для высокородных нарушителей закона. Комната была совсем небольшая, обставленная проще, чем спальня Шута: кровать, стол с парой стульев и умывальник. Пожалуй, старшие слуги и те могли похвастаться жильем побогаче. Но принц не роптал. Наверное, после темницы в Лагоне эта простая, но чистая и теплая комната казалась ему самой прекрасной в мире. Она не имела окон, зато в ней был камин, а гвардейцы следили, чтобы запас дров у пленника не истощался. И кормили его наравне со всей дворцовой знатью, даже вино подавали к жаркому.

Вот только Руальд к брату больше не заходил. Тодрик не ведал ни наказания, ни прощения. Он так и жил в постоянном страхе, не зная, что случится завтра, послезавтра или через неделю.

У них с Шутом опять было слишком много общего...

Однако это вовсе не означало, что принц захочет общаться с любимчиком своего брата. С человеком, который украл у него этого брата.

– Чего вам, господин Патрик? – стражник удивленно смотрел на Шута, который стоял перед ним. Это был зрелый воин из самых верных людей Дени, он прекрасно знал, кого охранял. Равно как знал, насколько Шут и принц друг друга не жаловали.

– Надо, – вдаваться в подробности Шуту не хотелось. И он очень надеялся, что не придется долго уговаривать стражника – очень уж холодно и неудобно было в подземелье. Но гвардеец смотрел с сомнением, почесывал короткую рыжую бороду. Еще миг – и скажет это их любимое «Не велено». А пользоваться Силой тут как-то неуместно... Шут совсем было решил, что придется получать разрешение Его Величества с печатью и подписью, иначе никто его не пустит к принцу. Но в этот момент стражник пожал плечами и потянулся за ключом.

– Ну, раз надо, так дело ваше... Капитан сказал, препятствие вам не чинить, – рыжебородый задумчиво покусал губу. – Уж и не знаю – отчего.

По лицу гвардейца Шут понял: тот и в самом деле хотел бы уразуметь, что такого Дени Авером знал про господина Патрика. Очень странного господина, имеющего позволение входить в личные покои короля и в камеру главного государственного преступника.

Зазвенели ключи. Тяжелая окованная железом дверь отворилась без скрипа.

– К вам гость, ваша милость, – объявил стражник, пропуская Шута внутрь. Едва тот переступил порог, как могучая створка с лязгом захлопнулась у него за спиной.

Очень неприятное ощущение.

В комнате было тепло – горел огонь в камине. Кроме того, несколько высоких толстых свечей освещали темницу. Словно принц очень боялся темноты... Тодрик сидел за большим столом и что-то писал на листе бумаги. Другие такие листы во множестве были разбросаны по полу. Когда Шут переступил порог, принц удивленно вскинул голову, уронив каплю чернил с кончика большого пера. В глазах его мелькнули радость и надежда, которые, впрочем, сразу же сменились гневом и обидой разочарования. Однако спустя еще мгновение взгляд Тодрика отражал только лишь усталость и опустошение.

– Ты... – негромко сказал принц.

Брат короля больше не походил на того безумца, каким его нашли после целой недели в темнице, но и прежней горделивой спеси Шут не увидел. Тюрьма – такое место, где люди очень быстро теряют не только лишние амбиции, но и наивную веру в свое бессмертие. Шут по себе знал, что день в таком ужасном месте равняется целому году. Он помнил, как едва не сошел с ума в холодных застенках подземелья и как резко повзрослел, почти постарел Руальд, оказавшись в плену у Давиана.

Тодрик тоже изменился.

Светло-голубые глаза принца смотрели пристально. Как будто он первый раз видел Шута и пытался понять, что это за человек. Полезен ли, опасен или вовсе не заслуживает внимания. Шут усмехнулся про себя: пусть изучает. Не жалко.

– Нам нужно поговорить, – сообщил он принцу и кивнул на свободный стул: – Можно?

Тодрик отложил наконец в сторону перо и невесело хмыкнул:

– Ну давай поговорим... граф. – Новый титул в устах принца прозвучал едва ли не ругательством. – Старые счета сводить будешь?

Шут даже поморщился от столь очевидной глупости. Но говорить Тодрику, что тот дурак, не стал. Такое начало беседы едва ли поможет добиться нужного результата. Не отношения же выяснять он пришел сюда, в самом-то деле.

– Мне нужно знать, – спокойно ответил Шут, – кто поддерживал вас во дворце. Человек, владеющий магией, – кто он?

Тодрик громко фыркнул в ответ, точно девица, отбросил с лица завитой черный локон и процедил:

– Ты серьезно полагаешь, что я стану рассказывать тебе об этом? Паяц!.. – Он сделал лицо идиота, передразнивая Шута, а потом рассмеялся презрительно.

«Ну да, – подумал Шут, – мне прекрасно известно, как сильно ты меня не любишь».

– Ваше Высочество, – ответил он после глубокого вдоха, – у меня нет времени доказывать вам мое право на этот вопрос. Просто поверьте: я его имею. И лучше всего будет, если вы ответите сразу.

Внезапно Тодрик выбрался из-за стола и приблизился к Шуту вплотную. Он был не так высок, как Руальд, но все же значительно превосходил ростом своего собеседника.

– А ты не боишься, граф Дурак, что я тебя просто отлуплю сейчас, как делал это в детстве?

Шуту стало смешно. Он не боялся.

– Вы и в детстве-то не сами меня лупили, Ваше Высочество, – напомнил он Тодрику, не сдерживая ухмылки, – а уж теперь и подавно не справитесь.

Удивительно, но принц решил не спорить. Он вернулся обратно к столу с видом кошки, которая наступила в мокрое.

– Отчего Руальд не пришел сам? – спросил Тодрик, не глядя на Шута. – Почему ты задаешь мне такие вопросы? Почему *ты*?

Шут заранее думал, что соврать на это, но теперь, глядя в лицо возмущенному принцу, понял, как надоело ему лгать и выкручиваться.

– Руальд не знает о моем визите, – ответил он. – Я сам решил поговорить. Вашему брату сейчас не до того – Шаниэр объявил нам войну.

Тодрик удивился и, похоже, не очень-то обрадовался.

– Ведь они обещали... – пробормотал он. – Обещали не трогать ничего!

Шут не понимал, конечно, о чем идет речь, но в целом догадывался: таинственный покровитель принца уже поднимал тему войны и, вероятно, дал слово не нарушать мирной жизни. Но не выполнил своего зарока.

А Тодрик между тем схватил со стола какую-то бумагу, исписанную мелким почерком, и в ярости разорвал ее на множество мелких кусочков.

– Ненавижу... – устало сказал он. – Предатель... – И бросил клочки в огонь камина. А потом обернулся к Шуту с такими полыхающими глазами, каких тот еще ни разу не видел у принца. – Это был лекарь! Слышишь?! Лекарь! А теперь убирайся отсюда! Чтобы глаза мои не видели тебя, холуй, тряпка королевская!

Дождаться окончания этого выступления Шут не стал. Гневаться представители Крылатой династии умели очень громко и порой даже разрушительно.

Стражник моментально отворил дверь на стук и поглядел на Шута вопросительно: мол, что это вы там наговорили нашему наследничку, господин Патрик? Но ответа рыжебородый не дождался. Шут благодарно кивнул ему и быстро зашагал прочь.

12

Все-таки лекарь...

Нет, Шута вовсе не удивило это известие. Более того, он был почти уверен, что именно Архан помогал во дворце тем людям, которые предпочитали скрываться за черными масками. Первая догадка появилась вместе со словами Ваэли о старом знакомом из Чертога. О человеке, который был прекрасно осведомлен, какого рода беда приключилась с господином шутлом, и который понимал, что бывшая королева легко узнает его, стоит лишь заговорить.

Шут не понимал лишь одного: почему лекарь, который был заодно с врагами, действовал столь противоречиво. То помогал Тодрику, то вдруг кинулся возвращать к жизни столь мешавшего прежде господина Патрика...

Его пытались убить и спасли почти одни и те же руки.

Ответа на этот вопрос у Шута не было, как не было и возможности спросить Архана лично: тот «неожиданно» покинул двор в скором времени после гибели королевы Нар. Очевидно, чтобы отправиться в путешествие к Белым Островам. И где теперь искать этого человека, едва ли мог бы сказать даже Кайза, который умел находить и живых, и мертвых.

Впрочем, Шут был уверен, что после исчезновения лекаря враги Руальда подослали во дворец нового соглядатая, наделенного Силой, а потому особенно не обольщался. У него даже возникла дерзкая мысль попытаться «разглядеть», кто из окружения короля умеет пользоваться магией. Но очень быстро Шут от нее отказался: если этот человек умел так хорошо скрываться, что до сих пор остался незамеченным, едва ли был смысл тягаться с ним в мастерстве.

Разговор с принцем оказался зряшной тратой времени. Шут думал об этом с сожалением, направляясь к выходу из подземелья. Шел он быстро, чтобы могильный холод камней не успел пронизать все тело, и потому под ноги не глядел, а напрасно. В одном месте каменная плита отчего-то вздыбилась – всего на пару пальцев, но этого оказалось достаточно, чтобы запнуться и почти упасть. Едва не потеряв равновесие, Шут кривобоко пробежал вперед и выругался. Было неприятно оказаться таким неловким, однако на этом неприятности не кончились... Едва только он двинулся дальше, как по всему коридору гулко разнеслись звуки чьих-то шагов. Разумеется, Шут не придавал этому большого значения, и на сей раз легкомыслие обошлось ему гораздо дороже: когда он завернул за угол, то нос к носу столкнулся с Торьей.

Министр удивленно приподнял бровь: он тоже не предполагал увидеть Шута на «своей» территории. Несколько мгновений взгляды их высекали искры, подобно двум отточенным клинкам, а потом Торья произнес почти весело:

– Ба, какая встреча! – Не скрывая радости, он сплел свои длинные белые пальцы, как обычно хрустнув ими. Шута аж передернуло от отвращения. Он попытался молча обогнуть министра, но тот уже почуял запах жертвы и не в силах был упустить неожиданную добычу из загребущих когтистых лап. – Нет-нет! Не спеши так, мой мальчик! Ты ведь знаешь, я давно хотел поговорить с тобой наедине...

Шут скривился от омерзения и попытался оттолкнуть руку, что ухватила его за отворот дублета. Но эти пальцы держали крепко. Очень крепко. Шут понял: дрыгаться дальше – значит совсем потерять лицо. Он вдохнул поглубже и произнес тихо, но со сталью в голосе:

– Вам лучше бы убрать руки, господин министр. А то как бы не оказалось, что вы хватили кусок не по зубам, – и посмотрел на Торью так, словно на месте этого человека и в самом деле была какая-нибудь грязная крыса.

– Вот как ты заговорил, дружок... – внезапно министр отпустил Шуту куртку и вместо того схватил его за подбородок. Костлявые пальцы больно сдавили кожу. Торья приблизил свою крючконосую физиономию вплотную к лицу Шута. От министра пахло настойкой кру и анисом. – А теперь послушай меня, любимчик! Послушай и не вороти свою красивую мордашку. Ты, наверное, все еще думаешь, что бояться нужно только острого железа да злых колдунов... Напрасно, напрасно, – он хищно оскалил редкие кривоватые зубы. – Мне уже известен твой маленький секрет. Твоя тайна, которую ты так старательно прячешь от короля. Запомни, любимчик: один твой неверный шаг, одно лишнее слово – и Руальд очень быстро все узнает.

Шут замер. Он перестал чувствовать. Даже лицо его, стиснутое рукой министра, онемело. Дыхание пресеклось на полувдохе.

«Нет!»

– Да, ваше сиятельство, – охотно кивнул Торья. – Да, узнать об этом было не так уж трудно. Хотя, кроме меня, это пока еще не удалось никому. Наш двор – сборище глупцов.

«Нет... – мысли с трудом ожили в разом опустевшей от страха голове. – Откуда?.. Как? Или... он сам колдун? Старый коршун наделен Силой?!»

Думать об этом было невыносимо.

Торья между тем отпустил Шута. По лицу его все еще гуляла кривая ухмылка. Господин министр откровенно праздновал свою победу и не скрывал этого.

– А теперь иди, дружок, иди. Только не испачкай штанов да лицо сделай чуть прощще, а то распугаешь всех. Иди!

И Шут пошел. На деревянных ногах, не чуя под собой пола. Если бы он снова запнулся, то упал бы наверняка.

В своей комнате он ничком повалился на кровать и долго так лежал, не поднимая головы. Пристально смотрел на длинные шерстинки белого одеяла, словно от их пересчета зависела вся жизнь.

Страх не было. Только глухое отчаяние и предчувствие неотвратимой беды. Перед этой бедой меркла даже угроза военного вторжения феррестрийцев. Как же сильно хотелось Шуту вернуться назад и изменить содеянное... Как невыносимо разрывала душу необратимость...

А ведь тогда все казалось таким простым и правильным. Даже прекрасным.

Шут водил пальцем по шерстяным складкам одеяла, вспоминая безумную магию той ночи. Былого не изменишь, как ни крути. И он понимал: это конец. Пусть с небольшой отсрочкой, но именно конец всему хорошему: дружбе, доверию короля и доброму имени графа Ветра. Хотя об имени Шут не жалел – было бы о чем...

Конечно, Торья едва ли собирался идти к Руальду в ближайшие дни, не для того он страшил Шута. Власть... Этот человек так хотел власти! Пусть даже над теми, кто беззащитен и зачастую уже обречен на смерть. Всякий во дворце знал, как министр безопасности уважает пыточные орудия. Узники Чертога наверняка молились о том, чтобы Торья никогда не обратил на них внимания. Да и люди свободные, даже родовитые, старались обходить его по широкой дуге.

А Шут попался.

И какая теперь разница, откуда у Торьи эта информация. Она есть. И осведомленность Руальда – лишь дело времени.

Остаток дня незаметно перешел в долгий вечер. Шут поднялся с кровати, только когда почувствовал непреодолимое желание посетить уборную. За окном давно стемнело. Уже открыв дверь в ярко освещенный факелами коридор, он мельком бросил взгляд на зеркало и удивился бледности своего лица.

«Я похож на мертвеца...»

В какой-то мере Шут действительно ощущал себя почти неживым.

В уборной он столкнулся с дворцовым лютнистом. Тот был хмур и неопрятен. Длинные русые волосы музыканта свисали грязными сосульками, а от камзола так смердело, что сомневаться не приходилось: всю прошлую ночь до самого утра лютнист кутил напропалую, а потом долго отсыпался. Вероятней всего, в канаве.

– Что, Пат, все так ужасно? – спросил он, завидев сочувствие на лице Шута. Даже попытался улыбнуться, хотя получилась у него лишь кривая усмешка.

Шут вздохнул. Ему бы эти проблемы. Лютнисту он посоветовал сходить к прачкам, а сам возвратился в свою комнату, где опять долго сидел в темноте на полу, на сей раз даже не разглядывая ничего. Он закрыл глаза, обхватил колени руками и просто слушал свое дыхание, пока не убедился, что сердце бьется почти ровно, а мысли уже не мечутся, как дикие куры по амбару.

13

– Руальд... скажи, что бы ты сделал с тем, кто признался бы тебе, будто Фарр не твой сын на самом деле, а его?.. – Шут задал этот вопрос не сразу, а когда король уже выпил полный кубок вина и закусил его печеной куропаткой. Ужин в кабинете подходил к концу, и Руальд очень удивлялся непривычной молчаливости своего друга.

Но подобных слов не ждал вовсе.

Прозвучали они тихо и отчаянно, король при всем желании не сумел бы счесть их за шутку. Он мгновенно закаменел лицом и двинул желваками так, что у Шута сразу земля из-под ног ушла. Но брякнуться на пол он не успел бы: здоровенные ручищи схватили его за отвороты куртки, и в мгновение ока Шут оказался аж на целый локоть выше своего обычного роста.

Руальд уставился ему прямо в глаза:

– Как это – не мой?! Скажи, что я ослышался! – Король стиснул Шутов ворот, лишая способности дышать. Впрочем тот все равно не мог сделать и вдоха. – Скажи! – Руальд тряхнул друга, и Шут не сдержал еле слышного вскрика. – Скажи!

И внезапно все понял по выражению лица своего нового графа, скривился в презрительном отвращении.

– Ты... Неужели ты?.. Боги! – Увидев, что Шут обреченно опустил ресницы, он окончательно уверился в правильности догадки. – Как ты мог, Пат?! – И вдруг швырнул его об стену так, что с крючка над камином сорвалось старинное блюдо и, дребезжа, укатилось куда-то в угол. Сам Шут, ослепший и оглохший от этого удара, со стоном свалился рядом. – Как ты мог?! Ты! Безродный щенок...

Звериная сила вновь подхватила его и снова швырнула – на сей раз об стол. Будь Шут чуть послабже телом, точно хребет бы переломился. А так он лишь отделался еще одним снопом искр перед глазами. Но последовавшая за этим оплеуха показалась куда ошутимей. Потому что после нее Шут уже не чувствовал ничего...

– Пат? – Лицу вдруг стало очень больно. Больно и холодно. – Пат... Проклятый мерзавец... Ну же! Очухивайся!

С трудом разлепив заплывший глаз, Шут увидел, что Руальд держит в руке какую-то бархатную тряпку, смоченную, надо полагать, в ледяной воде. Этой самой тряпкой он только что возил по физиономии своего обидчика – пятна крови на ней остались вполне заметные.

Выглядел король злым и испуганным.

– Руальд... – Шут с трудом сел. Голова у него кружилась, но вовсе не от страха и отчаяния. Искры все еще мелькали перед глазами, зато слова теперь рвались наружу сами собой: – Руальд, прости, это действительно моя вина... Я поверил, что так будет лучше. Прости! – Он в отчаянии взметнул глаза на короля, но тот уже не смотрел на предателя. Отбросив тряпку, отошел к окну, тяжело уперся широкими ладонями в подоконник.

– Почему? – услышал Шут. – Ну почему? Как она могла... – Дрожащие от обиды пальцы сжались в кулаки. – Как?!

– Она любила тебя, – еле слышно пробормотал Шут. Открыть королю правду казалось ему слишком жестоким. А молчать еще хуже. – Она хотела подарить тебе наследника...

– Так чего же не подарила?!

– Элея ждет ребенка, – тихо промолвил на это Шут, отведя глаза в сторону.

– Что?! Да при чем здесь вообще Элея?! – Но все же дураком Руальд не был и в следующий миг понял – при чем. – Значит... дело во мне? Ты это хочешь сказать?!

Шут ничего говорить не хотел вовсе, поэтому он просто кивнул, по-прежнему не глядя на короля. Только руки его и видел – яростно сжатые в кулаки. Однако после этого кивка ладони Руальда бессильно обмякли. Он качнул головой и произнес так, что Шуту захотелось исчезнуть.

– И вы решили меня обмануть...

– Да... Нет! Не обмануть. Я не знаю... – Шут закрыл лицо руками. – Тогда казалось – так будет лучше...

Долгое время после этих слов в комнате висела глухая мертвая тишина. Потом Руальд с ненавистью сбросил со своего стола какие-то бумаги и отыскал под ними трубку. Когда кабинет наполнился дымом, как добрая коптильня, он спросил со сталью в голосе:

– Кто еще знает?

– Торья...

– Что ж, – промолвил Руальд. – У меня давно было желание сместить нашего министра безопасности. Пожалуй, я все-таки позволю себе это удовольствие. Поскольку на его месте мне нужен человек, который сумеет внушить всем – ты слышал? всем! – что Фарр – мой сын! Я не отдам тебе его. – Король уже вполне пришел в себя и теперь был почти спокоен, собран и решителен. – Раз уж у меня не может быть другого наследника, пусть будет этот мальчик. Я люблю его. – Он замолчал ненадолго. – А ты... если ты еще хоть где-нибудь ляпнешь то, что я узнал здесь... Пат, я тебя убью наверняка.

Часть вторая. Жажда крови

1

В храме было тихо, пусто и темно. Только одинокая лампада у алтаря разгоняла густой сумрак. Да еще невысокая свеча в руке у Шута. Он стоял перед ликами богов, неотрывно глядя на лепесток пламени, что колыхался от невидимых сквозняков. В этот час никто больше не искал милости высших сил, обитатели Внутреннего города давно спали.

Капля воска скатилась со свечи и поначалу больно обожгла ладонь, но уже спустя мгновение утратила свой жар, застыв прозрачной чешуйкой на стиге большого пальца. Шут отвел глаза от огня и машинально подцепил ногтем восковую пластинку.

Он не боялся боли. Ему казалось, страдание тела – ничто по сравнению с муками души. И если уж быть до конца честным, Шут даже хотел, чтобы оно страдало. Ему хотелось увидеть кровь на своем лице... Быть может, эта боль принесет избавление от невыносимого чувства вины и стыда.

Он понимал, что оставаться при дворе невыносимо. Руальд не желал больше ни видеть, ни слышать своего бывшего друга. Оно и не удивительно.

Всего три дня прошло после их «беседы», когда король чуть не пришиб Шута. Всего три... Будто пропасть между тем, что было, и нынешним сбывшимся кошмаром. Судьба словно смеялась над ним: сделав круг, она снова бросила Шута в ту же точку, откуда все началось год назад. Снова едкая усмешка Торьи, немилость короля, необходимость быть с ним рядом и невозможность оставаться на своем месте. Вот только идея надеть платье служанки более не представлялась Шуту разумной. Эту роль он отыграл... А новой не выдумал.

Еще одна капля воска стекла по свече на руку, обожгла мгновенной болью.

Нет, Шут никогда не был особенно набожным. Детство, проведенное в монастыре, наложило особый отпечаток... Но теперь он искал любые пути, чтобы хоть как-то найти себе прощение. Конечно, про обычную церемонию покаяния Шут и не думал: он прекрасно понимал, что все эти ритуалы созданы исключительно для успокоения совести, а на самом деле имеют не больше смысла, чем разговор с ветром или небом.

Никакой священник не сумеет отпустить вину, если душа полна ею до краев.

Именно поэтому Шут пришел в храм глубокой ночью, когда спала даже старая настоятельница, известная своей бессонницей. Он не хотел ничего говорить ни ей, ни любому другому монаху, но, стоя перед ликом божественной Троицы, с удивлением почувствовал то, на что не обращал внимания в детстве. В храме обитала Сила. Особая, ничуть не похожая на магию Ваэли или колдовство Кайзы. Шут не знал, можно ли ее как-то использовать, но у него и не было такого намерения. Его просто завораживал этот поток чистой гармонии, исходящей от божественных ликов, он словно бы и самого Шута делал чище.

«Матушка... Небесная защитница... – мысли его были сбивчивы, как у влюбленного подростка на первом свидании. – Прощу тебя, помоги! Не оставь меня одного, не оставь меня во мраке...»

Много лет назад в его голову вбивали сотни молитв и песнопений, но Шут никогда не считал их лучшим способом общаться с богами. В своих мыслях он редко обращался за помощью, полагая, что Небесный Отец и сам знает, когда нужна его защита, а Матери известны все желания Шута. И незачем тревожить их понапрасну. Но иногда, в самые трудные мгновения, он все же взывал о милосердии...

Где-то далеко в глубине храма скрипнула тяжелая дверь.

Шут вздохнул и отошел от алтаря. Ему не хотелось ни с кем встречаться. Оставив свечу на высоком короде, он незаметно канул в темную арку галереи, окружающей главную молельную залу. Все храмы чем-то похожи меж собой... И каким бы невеселым ни было детство Шута,

а запах лампад и гулкие коридоры с неизменными фресками все равно оставались для него родными. В любом храме он чувствовал себя уверенно и мог бы с закрытыми глазами найти и кабинет настоятеля, и колокольную башню, и, уж конечно, кухню. Почти на ощупь Шут пробрался к выходу – не главному, а для самих монахов – и оттуда через внутренний храмовый двор выскользнул на одну из улочек города.

В этот глубокий ночной час Шут казался бесплотной тенью, призраком. Он шел, обходя фонари, укрываясь в самых темных проулках. Непонятное чувство тревоги глухо стучало в висках: «Будь осторожен, будь осторожен...» Шут и сам не знал, откуда оно взялось, но предпочитал не проверять. Чутье еще ни разу его не обмануло.

Шел он во дворец. Беседа с богами, увы, не обернулась чудом: Шут по-прежнему не имел ни малейшего представления, как жить дальше и что делать. Но больше ему некуда было возвращаться.

Солнечный Чертог давно стал для него домом.

Впрочем...

Он внезапно сбился с шага. Следом за мыслью о доме пришла другая, и Шут даже удивился, как она не посетила его раньше.

Храм. Маленькая община при королевском дворце. Мать настоятельница очень хорошо знала господина Патрика. Она не отказала бы ему в приюте. Эта женщина всегда говорила, мол, бойся богов, мальчик, разве можно так жить! А теперь у него достаточно поводов, чтобы укрыть за раскаянием нужду оставаться рядом с королем. Конечно, это вызовет большие толки среди обитателей Чертога, да и всего Внутреннего Города... Вот только разве Шута испугать слухами?

Нет, монахом становиться он не хотел. Это все-таки серьезный шаг, уже не игры в маскарад. Зато с послушника взятки гладки: тот, кто не приносил обета верности богам, имеет право вернуться к мирской жизни. А Шуту вернуться нужно было обязательно. Где-то очень далеко, на белокаменном острове, его ждала любимая. И еще не родившийся сын.

«Это ведь ненадолго, – успокаивал он сам себя. – Я только придумаю, как найти этих... в масках. И пусть потом Руальд делает с ними, что захочет. А я вернусь в Брингалин. Начну там новую жизнь, в ученики к Ваэлью подамся, буду лечить людей...»

Как ни крути, а идея с храмом была хороша. Стоило обдумать ее получше и не затягивать с решением.

– Господин Патрик! – мальчик-паж с невероятно серьезным лицом догнал Шута возле самых дверей библиотеки, куда тот решил наведаться сразу после позднего завтрака, больше походившего на обед. Цвета одеяния пажа выдавали принадлежность к весьма высокородному дому Кригом. – Господин Патрик, леди Дана изволит видеть вас!

Шут повел бровью. Стоило ли так бежать, чтобы сообщить подобную глупость. Зачем он мог понадобиться этой богатой красотке?

– По какому поводу? – спросил Шут мальчишку.

Паж торопливо одернул зеленую в золотом шитье курточку и пригладил длинные русые волосы.

– У нее к вам разговор большой важности, – парнишка постарался придать весомость своим словам и сделал строгую мордашку.

Шут пожал плечами. Бегать по первому зову малознакомых фрейлин он считал не особенно уместным.

– Если так, пусть ищет меня здесь, – он кивнул на двери библиотеки, – я пришел сюда надолго.

С этими словами Шут оставил пажа в коридоре и скрылся за высокой резной створкой. Искренне надеясь, что леди Дана сочтет ниже своего достоинства искать господина Патрика где бы то ни было.

Он не солгал. В самом деле решил провести этот день (вернее, оставшуюся его половину, ибо проснулся очень уж поздно) в тишине и отдалении от людей. Затворив за собой дверь, Шут на минуту прислонился к ней, прикрыв глаза. Он слушал безмолвную музыку этой огромной комнаты, где жили тысячи историй, ученых трудов и просто сказок.

Словно бы весь мир остался за высокой дубовой створкой.

Шут вздохнул и, оттолкнувшись от двери лопатками, направился в глубину библиотеки. С той поры, когда он был здесь последний раз, столь многое изменилось.

«Интересно, – думал он, – а смогу я с помощью Силы найти что-нибудь такое... Книгу, которую писал человек, наделенный даром?»

Задумка показалась Шуту интересной, и он легко позволил своим глазам видеть иначе. С каждым разом этот переход давался ему все проще и быстрее. Как будто Шут просто выучил еще один трюк. А библиотека в этом мерцающем восприятии была прекрасна: корешки книг переливались радужным сиянием, вспыхивали и звучали каждая на свой лад. Какое-то время Шут стоял замороженный этим миром, который оказался таким живым и безграничным.

Сначала эти новые ощущения в храме, теперь среди книг... Внезапно Шут понял, что каждое место имеет свои краски, свою музыку. Оно может быть тусклым и тревожным или, напротив, ярким и звенящим, как колокольчик.

Да что там место... Каждый человек! Стоит лишь посмотреть чуть-чуть иначе...

Когда-то в детстве ему даже не нужно было специально погружаться с другое видение. Он мог взглянуть краем глаза на придорожную харчевню и сразу же понять, будет ли там вкусный обед или позавчерашняя похлебка с подгорелым луком. С годами это умение притупилось, словно клинок, который слишком долго лежал в ножнах и успел заржаветь. А то, что от него осталось, Шут называл своим безотказным чутьем.

«Я с самого рождения умел так много, – думал он с грустью, – а теперь должен учиться всему заново. Если успею...»

Шут вполне допускал, что жизнь его может трагически оборваться в любой момент. Вот только мысль об этом почему-то не пугала. Наверное, он просто не мог до конца осознать, каково это – перестать существовать. В самой глубине души наивно, по-мальчишески, ощущал себя почти бессмертным.

Дверь негромко скрипнула. Шут оторвал глаза от книг и посмотрел на вошедшего. Вернее, вошедшую.

Леди Дана Кригом была, как всегда, безупречно красива, но в этот раз она предстала перед Шутом совсем иной: подобно библиотеке, молодая женщина сияла разными цветами – от нежно голубого до пурпурного. И в этом сиянии не было ни угрозы, ни корысти. Только искренняя симпатия к стоящему перед ней господину Патрику.

И страх.

Он был столь ошутим, что Шут едва не забыл, как дышать. И, моргнув, поспешно вернулся в обычный мир.

– Леди Дана? – Он отвесил ей изящный поклон. – Чем заслужил ваше внимание?

Фрейлина нервно сплела пальцы. Она коротко взглянула на Шута, потом снова отвела глаза.

– Мне нужно сказать вам нечто важное, граф.

Шут удивился. Новым титулом его мало кто величал. Слишком уж это было непривычно, и многие принципиально избегали столь высокого обращения, которого не мог заслуживать бывший паяц.

– Так давайте побеседуем, – он учтиво повел рукой в сторону кресел.

– Нет! – воскликнула леди. И добавила уже чуть тише: – Не здесь... Пойдемте в сад. Ох уж этот сад! Сколько тайн, сколько важных разговоров и пустых сплетен знали его тропинки...

– Что ж, идем, – не стал спорить Шут. Ему уже и самому стало интересно.

В саду было слякотно. Ночью шел дождь, и по краям от каменных дорожек все еще виднелись лужи. Впрочем, сквозь кружево голых ветвей проглядывало голубое небо, а птицы звонко щебетали, радуясь весеннему теплу.

– Скажите, Патрик, – без лишних предисловий заговорила леди Дана, едва они отошли подальше от дворцовых стен, – это правда, что вы имеете отношение к отставке министра безопасности?

Ого! Быстро же разносятся слухи по Чертогу! Шут небрежно приподнял бровь.

– Отчего вы так решили, дорогая? – насмешливо спросил он.

Фрейлина покусала красивые губки, на собеседника своего она по-прежнему не глядела.

– Я стала свидетельницей одного разговора... Пожалуйста, не спрашивайте меня – чьего! Я не могу вам сказать... да и неважно. Если в самом деле вы к этому причастны, будьте осторожны! Торья затаил на вас большую, очень большую злобу. Мне доподлинно известно, что он намерен с вами поквитаться. Лучше всего будет, если вы покинете двор. И как можно скорей!

Какой-то очень смелый воробей слетел с ветки и запрыгал по садовой дорожке в двух шагах от людей.

Шут задумался. В его планы не входило оказаться жертвой мести. С другой стороны... он ведь, так или иначе, все равно решил оставить Чертог. Вот только ему совсем не хотелось, чтобы Торья отнес это на свой счет. Шуту еще репутации труса не хватало для полного счастья.

– Спасибо, леди Дана, – искренне поблагодарил он фрейлину. – Я подумаю над вашим советом.

Молодая женщина натянуто улыбнулась. Хотелось бы Шуту знать, какая причина подтолкнула ее к этому разговору. Действительно ли только симпатия? Или снова интриги? Не исключено, что это один из способов отослать новоявленного графа подальше от столь любимого им короля. Но спрашивать он ничего не стал. Любезно поцеловал фрейлине ручку и с поклоном распрощался.

Вот вам и хорошее начало дня с душевными посиделками среди книг...

«А чему я удивляюсь? – спросил себя Шут. – Как будто не знал, что этим все и кончится. Теперь везде надо ходить с оглядкой».

Самая большая проблема заключалась в том, что упомянутый Даной министр попросту исчез. Еще прежде, чем король объявил о его отставке. Когда Руальду об этом доложили, тот едва не пришиб гвардейца, пришедшего с дурной новостью. По крайней мере, кубком тяжелым в стену залепил. Вот только проку от того... Теперь господин Торья хоть на каждом углу мог кричать об истинном происхождении Руальдова наследника. Прохлопали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.